

ДЕЛО "АЛЕКСАНИЯ (ALEKSANYAN) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (Жалоба № 46468/06)

Процедура	2
Факты	3
I. Обстоятельства дела	3
A. Предыстория	3
B. Задержание и заключение под стражу заявителя	4
C. Состояние здоровья заявителя	10
II. Применимое национальное законодательство.....	17
A. Заключение под стражу - общие положения	17
B. Заключение под стражу - специальные нормы, применимые к адвокатам.....	18
C. Медицинская помощь заключенным под стражу.....	19
D. Досрочное освобождение по состоянию здоровья.....	19
III. Применимые международные инструменты	19
Право	20
I. Возражение властей Российской Федерации относительно нарушения права на обращение ...	20
II. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции	21
A. Приемлемость жалобы.....	21
B. Существо жалобы	21
III. Предполагаемое нарушение статьи 5 Конвенции	30
A. Приемлемость жалобы.....	31
B. Существо жалобы	31
IV. Предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции	39
A. Приемлемость жалобы.....	40
B. Существо жалобы	40
V. Другие жалобы	44
VI. Статья 34 Конвенции - предполагаемое неисполнение требования о применении предварительных мер.....	44
A. Доводы властей Российской Федерации	45
B. Доводы заявителя	45
C. Мнение Европейского Суда.....	46
VII. Статья 34 Конвенции - предполагаемое незаконное давление	48
VIII. Применение статей 41 и 46 Конвенции.....	48
НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:	49

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

**ДЕЛО "АЛЕКСАНИЯН (ALEKSANYAN)
ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" <*>
(Жалоба N 46468/06)**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(Страсбург, 22 декабря 2008 года)

<*> Перевод с английского Д.В. Юзвикова.

По делу "Алексанян против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Христоса Розакиса, Председателя,

Нины Ваич,

Анатолия Ковлера,

Элизабет Штайнер,

Ханлара Гаджиева,

Джиорджио Малинверни,

Георга Николау, судей,

а также при участии Андре Вампаша, заместителя Секретаря Секции Суда,

заседаая за закрытыми дверями 16 декабря 2008 г.,

вынес в тот же день следующее Постановление:

Процедура

1. Дело инициировано жалобой N 46468/06, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Российской Федерации Василием Георгиевичем Алексаняном (далее - заявитель) 16 ноября 2006 г. Первоначально заявитель обозначался инициалами В.А., впоследствии заявитель согласился раскрыть свое имя.

2. Интересы заявителя представлял Д.П. Холинер (D.P. Holiner), адвокат, практикующий в Лондоне. Власти Российской Федерации были представлены ранее действовавшим Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека В.В. Милинчук.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что, принимая во внимание состояние его здоровья, содержание его под стражей представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Заявитель также утверждал, что его содержание под стражей было незаконным и необоснованным и что оно было мотивировано политическим и экономическим преследованиями его компании. Далее заявитель жаловался на обыски в его доме и на последствия его содержания под стражей для его семейной жизни.

4. Председатель Палаты и впоследствии Палата приняли решение о применении правила 39 Регламента Европейского Суда и указали властям Российской Федерации, что в интересах сторон и надлежащего проведения разбирательства желательно, чтобы заявителю была предоставлена адекватная медицинская помощь.

5. 24 января 2008 г. Европейский Суд решил уведомить власти Российской Федерации о жалобах заявителя на нарушения статей 3, 5, 8, 13 и 18 Конвенции. Остальные жалобы заявителя были объявлены неприемлемыми. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции Европейский Суд принял решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости.

Факты

I. Обстоятельства дела

6. Заявитель, 1971 года рождения, в настоящее время содержится под стражей в г. Москве и находится в Городской клинической больнице N 60 <*>.

<*> Обстоятельства дела изложены на момент вынесения Постановления (прим. переводчика).

A. Предыстория

7. Заявитель - бывший член адвокатской коллегии города Москвы. Он представлял Ходорковского Михаила Борисовича и Лебедева Платона Леонидовича в качестве одного из их адвокатов при рассмотрении уголовных дел, возбужденных в отношении них. В настоящее время рассмотрение соответствующих уголовных дел также является предметом жалоб, поданных в Европейский Суд (жалобы N 5829/04, 4493/04, 13772/05, 11082/06). Он также оказывал юридические услуги нефтяной компании "ЮКОС" (далее - Компания) в деле, касающемся подачи Компанией жалобы в Европейский Суд (жалоба N 14902/04). До 2003 года заявитель работал руководителем юридического департамента "ЮКОСа".

8. В 2003 - 2004 годах Генеральная прокуратура Российской Федерации возбудила уголовные дела против нескольких руководителей Компании, включая М.Б. Ходорковского, П.Л. Лебедева, Л.Н., С.Б., Д.Г., Б. и других. Некоторые из них были заключены под стражу в 2003 - 2004 годах по подозрению в совершении мошенничества в крупном размере и хищении акций нескольких сибирских нефтеперерабатывающих предприятий, включая ОАО "Томскнефть". В частности, был заключен под стражу С.Б. - один из юристов Компании. По утверждению властей Российской Федерации, в своих показаниях от 8 декабря 2004 г., подтвержденных в марте - апреле 2006 г., С.Б. указала, что заявитель, как ее руководитель, давал ей указания в связи с незаконными операциями с акциями ОАО "Томскнефть", которые были квалифицированы стороной обвинения как хищение.

9. Одновременно налоговые органы Российской Федерации предъявили иски к Компании, требуя уплаты невыплаченных Компанией налогов. В 2004 - 2006 годах суды вынесли несколько решений, обязывающих Компанию выплатить значительные суммы налоговой задолженности и штрафов. Было возбуждено исполнительное производство; в результате начался крупный корпоративный конфликт, на одной стороне которого были акционеры Компании, а государство - крупнейший кредитор компании - на другой стороне.

10. 8 января 2004 г. органы предварительного следствия возбудили уголовные дела по фактам предполагаемого присвоения акций нескольких сибирских нефтяных компаний

несколькими бывшими руководителями "ЮКОСа". Обвинения были предъявлены Л.Н., которая к этому времени покинула Российскую Федерацию, и чуть позже еще нескольким лицам. Расследование уголовного дела осуществлялось в 2005 и 2006 годах.

11. По утверждению заявителя, в начале 2006 года следователи Генеральной прокуратуры Российской Федерации начали проводить допросы работников компании "ЮКОС" и аффилированных с ней компаний. Допросы сопровождалась угрозами уголовного преследования в случае, если работники сотрудничали с руководителями, назначенными акционерами компании того времени. В адрес заявителя также поступали такие угрозы.

12. 20 марта 2006 г. акционеры "ЮКОСа" назначили заявителя исполнительным вице-президентом Компании. Заявитель должен был вступить в должность с 1 апреля 2006 года. 22 марта 2006 г. заявитель был вызван в Генеральную прокуратуру Российской Федерации и допрошен. По утверждению заявителя, во время допроса следователь предупредил заявителя "держаться подальше" от бизнеса Компании. Когда заявитель ответил, что он не намерен отказываться от должности в Компании, следователь в ответ сказал: "Впервые вижу человека, который добровольно идет в тюрьму".

13. В это время началось разбирательство дела о признании Компании банкротом. 28 марта 2006 г. Арбитражный суд г. Москвы вынес определение о введении внешнего управления в Компании и назначил внешнего управляющего. Несколько дней спустя заявитель как вице-президент Компании начал реорганизацию структуры управления в Компании. По-видимому, реорганизация была воспринята внешним управляющим и государственными органами как попытка воспрепятствования процедуре банкротства.

14. Решением Арбитражного суда города Москвы от 4 августа 2006 г. "ЮКОС" был признан банкротом, и суд заменил руководство Компании на конкурсного управляющего. Конкурсный управляющий был назначен с согласия принадлежащей государству компании "Роснефть" - одного из основных кредиторов "ЮКОСа" в то время. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 4 августа 2006 г. было оставлено без изменения постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 сентября 2006 г. и вступило в законную силу. 12 ноября 2007 г. конкурсное производство было завершено и компания была ликвидирована.

В. Задержание и заключение под стражу заявителя

1. Получение согласия на возбуждение в отношении заявителя уголовного дела, проведение обысков

15. 29 марта 2006 г. заместитель Генерального прокурора Российской Федерации внес представление в Симоновский районный суд г. Москвы для получения согласия на возбуждение в отношении заявителя уголовного дела в связи с предполагаемым участием в хищении имущества и акций нескольких нефтяных компаний и нефтеперерабатывающих заводов в 1998 - 1999 годах ("Томскнефть", Ахчинский нефтеперерабатывающий завод, Восточная нефтяная компания и другие). Генеральная прокуратура Российской Федерации утверждала, что в 1998 - 1999 годах, когда заявитель был руководителем правового департамента "ЮКОСа", он консультировал руководителей компании и таким образом принимал участие в их преступной деятельности. Акции названных компаний впоследствии были "легализованы" через цепочку финансовых операций. В своем представлении Генеральная прокуратура Российской Федерации ссылалась на материалы уголовного дела, при этом точно не указывая их.

16. 3 и 5 апреля 2006 г. Симоновский районный суд г. Москвы в открытом судебном заседании рассмотрел представление Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Заявитель присутствовал в названных заседаниях. 5 апреля 2006 г. рассмотрение дела

было отложено. По утверждению заявителя, суд сообщил сторонам, что на следующий день он примет решение по представлению прокурора.

17. 4 и 5 апреля 2006 г. Симоновский районный суд г. Москвы по представлению Генеральной прокуратуры Российской Федерации разрешил проведение обысков в доме и загородном доме заявителя. В своем постановлении суд обобщил обвинения, предъявленные заявителю Генеральной прокуратурой Российской Федерации, отметил, что заявитель являлся адвокатом и членом Московской коллегии адвокатов и указал де факто и де юре адреса заявителя. Суд обозначил предметы и информацию, являвшиеся целью обыска, как "документы в бумажном и электронном виде, переписка, проекты и рукописные заметки, другие документы и предметы, важные для расследования". Суд не привел мотивов своего постановления.

18. 5 апреля 2006 г. в помещениях заявителя следователями Генеральной прокуратуры Российской Федерации были проведены обыски и некоторые документы были изъяты. В частности, Генеральной прокуратурой Российской Федерации был проведен обыск квартиры, расположенной по адресу: г. Москва, ул. Бакинских Комиссаров, д. 7, и в доме по адресу: Московская область, пос. Горки-2, д. 5.

19. 6 апреля 2006 г. Симоновский районный суд г. Москвы пришел к заключению, что участие заявителя в деятельности компании в 1998 - 1999 годах содержит "признаки преступления". Как следует из принятого судом заключения, суд пришел к такому выводу, "заслушав лиц, участвующих в деле, и рассмотрев материал, представленный Генеральной прокуратурой Российской Федерации". Соответственно, суд дал согласие на возбуждение в отношении заявителя уголовного дела. В отличие от своего адвоката заявитель в судебном заседании не присутствовал.

2. Задержание заявителя и первое заключение заявителя под стражу

20. В тот день заявитель находился в квартире своей знакомой С., которая являлась депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Около двух часов дня сотрудники милиции подошли к квартире и позвонили в дверь. По утверждению заявителя, он услышал дверной звонок, но дверь не открыл, поскольку собственника квартиры не было, а у него не было ключей. Не получив никакого ответа, сотрудники милиции взломали дверь, проникли в квартиру и задержали заявителя. Несколько часов спустя Генеральная прокуратура Российской Федерации обратилась в Басманный районный суд г. Москвы с ходатайством об избрании заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу. Сторона обвинения представила милицейский рапорт о задержании заявителя в квартире не по месту его жительства, отметила, что он не явился в судебное заседание в Симоновский районный суд г. Москвы и что согласно некоей "оперативной информации" заявитель собирался покинуть пределы Российской Федерации, чтобы избежать задержания.

21. 7 апреля 2006 г. Басманный районный суд г. Москвы рассмотрел ходатайство Генеральной прокуратуры Российской Федерации об избрании заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу. Заявитель и его адвокат присутствовали в судебном заседании при рассмотрении названного ходатайства. Они заявили, что заявитель не должен быть заключен под стражу. Доводы заявителя могут быть в обобщенном виде представлены следующим образом. Обвинение против заявителя было очень слабым и основывалось на недопустимых доказательствах. Симоновский районный суд г. Москвы не выполнил должным образом своих функций и не привел оснований для своих выводов. Заявитель всегда сотрудничал с Генеральной прокуратурой Российской Федерации в ходе расследования; расследование уже продолжалось два года, и заявитель всегда являлся по вызовам Генеральной прокуратуры Российской Федерации, когда было необходимо допросить его. Заявитель не предпринимал каких-либо попыток скрыться от правосудия или иным образом воспрепятствовать проведению следствия. Заявитель

являлся единственным родителем несовершеннолетнего ребенка, и на его полном иждивении находились его престарелые родители. Наконец, заявитель утверждал, что плохое состояние его здоровья несовместимо с содержанием под стражей.

22. Генеральная прокуратура Российской Федерации поддержала свое ходатайство об избрании заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу. Обвинение представило в суд несколько процессуальных документов, составленных им в ходе расследования, показания свидетелей, копии электронных документов, финансовые документы о деятельности нескольких нефтяных компаний и другие.

23. Изучив доводы сторон, Басманный районный суд г. Москвы вынес постановление о заключении заявителя под стражу. Басманный районный суд г. Москвы отметил, что ходатайство о заключении заявителя под стражу было подано надлежащим должностным лицом со стороны обвинения и что все необходимые формальности были соблюдены. Басманный районный суд г. Москвы также отметил, что заявитель не удовлетворен заключением Симоновского районного суда г. Москвы, и это решение еще может быть обжаловано. Далее Басманный районный суд г. Москвы постановил следующее:

"Суд принимает во внимание, что (заявителю) предъявлено обвинение в совершении преступлений, квалифицируемых как тяжкие и особо тяжкие, срок лишения свободы за которые превышает два года. Обстоятельства совершения преступлений, информация, характеризующая личность заявителя, а также замещаемая им должность в совокупности представляются для суда достаточными основаниями, чтобы сделать вывод, что, оставаясь на свободе, (заявитель) может скрыться от органов предварительного следствия или суда, оказывать давление на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного дела, принять меры к уничтожению доказательств, предметов и документов, имеющих существенное значение для следствия и которые пока не были обнаружены следственными органами, может вступить в контакт со своими сообщниками, скрывающимися от органов правосудия, и воспрепятствовать ходу следствия, что подтверждается результатами обыска (том N 2, стр. 127 - 130) и информацией (Министерства внутренних дел Российской Федерации), направленной в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, касающейся планов заявителя покинуть Россию. Суд также принимает во внимание возраст, семейное положение и состояние здоровья заявителя, а также тот факт, что заявитель имеет малолетнего ребенка и постоянно проживает в г. Москве".

24. Что касается утверждения заявителя о том, что обвинение против него было очень слабым и было основано на недопустимых доказательствах, Басманный районный суд г. Москвы отметил следующее:

"...Что касается доводов (заявителя и его адвоката), что представленные (стороной обвинения в суд) материалы дела не содержат доказательств причастности (заявителя) к инкриминируемым ему деяниям, суд не может их учитывать, поскольку вопрос виновности и невиновности, а также доказанности причастности (заявителя) к преступлениям подлежит разрешению в ходе рассмотрения дела судом по существу и не может рассматриваться в настоящем судебном заседании".

25. 10 апреля 2006 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации провела обыск в доме по адресу: Московская область, пос. Матвейково, д. 7.

26. Заявитель подал несколько жалоб: на постановления Симоновского районного суда г. Москвы от 4 и 5 апреля 2006 г., разрешающие проведение обысков, на заключение Симоновского районного суда г. Москвы от 6 апреля 2006 г., разрешающее привлечение заявителя к уголовной ответственности, и на постановление Басманного районного суда г. Москвы о заключении заявителя под стражу от 7 апреля 2006 г.

27. 17 мая 2006 г. Московский городской суд оставил без удовлетворения первую жалобу заявителя и оставил без изменения постановления Симоновского районного суда

г. Москвы от 4 и 5 апреля 2006 г. Московский городской суд постановил, что названные постановления были в достаточной степени обоснованными и были законными.

28. 22 мая 2006 г. Московский городской суд оставил без удовлетворения вторую жалобу защиты и оставил без изменения заключение Симоновского районного суда г. Москвы от 6 апреля 2006 г. Московский городской суд постановил, что на данной стадии судопроизводства задачей суда не является изучение конкретных деяний, в совершении которых обвинялся заявитель, или доказательств, представленных сторонами. В противном случае задачей суда являлось бы рассмотрение дела по существу. Поэтому защита не могла ссылаться на предполагаемые нарушения внутригосударственного или международного права.

29. 31 мая 2006 г. Московский городской суд оставил без удовлетворения жалобу заявителя на постановление Басманного районного суда г. Москвы <*> об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу от 7 апреля 2006 г.

<*> В оригинале, по-видимому, допущена опечатка - "Bassmanniy City Court" вместо "Bassmanniy District Court" (прим. переводчика).

3. Продление содержания заявителя под стражей

30. Неустановленного числа заявителю были предъявлены дополнительные обвинения в уклонении от уплаты налога на доходы физического лица, предположительно имевшем место в 2000 - 2002 годах.

31. 2 июня 2006 г. Басманный районный суд г. Москвы по ходатайству обвинения продлил срок содержания заявителя под стражей до 2 сентября 2006 г.

32. В судебном заседании Генеральная прокуратура Российской Федерации утверждала, что ей необходимо провести ряд дополнительных следственных действий, в частности, получить заключения экспертов, ответы на судебные поручения и решения о выдаче Л.Н. и Д.Г. Российской Федерации. Кроме того, Генеральная прокуратура Российской Федерации должна была "допросить свидетелей, произвести выемку документов в...организациях, банках, налоговых инспекциях и, основываясь на собранных таким образом доказательствах, предъявить (заявителю) новые обвинения и произвести другие следственные действия, направленные на окончание предварительного расследования".

33. Доводы сторон в судебном заседании были в основном схожи с теми, что стороны заявляли ранее. Обвинение особо отметило, что сообщники заявителя скрылись от правосудия. Заявитель, в свою очередь, представил суду более подробную информацию о состоянии его здоровья. Кроме того, он утверждал, что в течение всего периода содержания его под стражей он ни разу не допрашивался в связи с производством по его уголовному делу.

34. Басманный районный суд г. Москвы пришел к выводу, что ситуация заявителя не изменилась и поэтому отсутствуют основания для применения более мягкой меры пресечения, чем заключение под стражу. Что касается состояния здоровья заявителя, суд отметил, что, несмотря на представленную информацию о наличии у заявителя различных заболеваний, отсутствуют доказательства того, что состояние здоровья заявителя препятствует применению к нему меры пресечения в виде заключения под стражу. Басманный районный суд г. Москвы также постановил, что он не вправе исследовать доказательства против заявителя и оценивать правовую квалификацию обстоятельств дела обвинением.

35. Адвокаты заявителя подали жалобу на постановление Басманного районного суда г. Москвы от 2 июня 2006 г. Они представили в распоряжение суда кассационной инстанции дополнительные документы о состоянии здоровья заявителя. Адвокаты

заявителя также жаловались на то, что Басманный районный суд г. Москвы не изучил возможность применения в отношении заявителя более мягкой меры пресечения. 19 июля 2006 г. Московский городской суд отклонил доводы адвокатов заявителя и оставил без изменения постановление Басманного районного суда г. Москвы от 2 июня 2006 г.

36. 23 августа 2006 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации подала ходатайство о продлении срока содержания заявителя под стражей. Обвинение сослалось на документ, изъятый в 2004 году в офисе Д.Г., одного из бывших юридических консультантов "ЮКОСа", из которого следовало, что руководство "ЮКОСа" планировало оказывать давление на правоохранительные органы через политические каналы. Обвинение также сослалось на информацию, полученную в результате оперативно-розыскных мероприятий, которая доказывала тот факт, что заявитель пытался установить контакт с сообщниками, которые скрывались за границей.

37. В судебном заседании заявитель возражал против удовлетворения ходатайства Генеральной прокуратуры Российской Федерации о продлении срока содержания его под стражей со ссылкой на ранее высказанные им доводы. Так, заявитель утверждал, что доводы Генеральной прокуратуры Российской Федерации о том, что он скроется от правосудия или воспрепятствует осуществлению правосудия, не были основаны на каких-либо фактах. Наконец, заявитель утверждал, что он не должен содержаться под стражей в связи с плохим состоянием его здоровья.

38. Защита заявителя утверждала, что первоначальное заключение заявителя под стражу было незаконным. Заключение Симоновского районного суда г. Москвы от 6 апреля 2006 г., разрешающее возбуждение в отношении заявителя уголовного дела, вступило в силу только 22 мая 2006 г. До этой даты Генеральная прокуратура Российской Федерации не имела права проводить какие-либо следственные действия в отношении заявителя, не говоря уже о его задержании.

39. Суд отметил, что дело заявителя являлось довольно сложным и поэтому срок содержания заявителя под стражей должен быть продлен. Суд также воспроизвел формулировки первых двух постановлений о заключении заявителя под стражу. К ранее приведенным мотивам суд добавил, что существовал риск того, что заявитель мог продолжить свою преступную деятельность. Суд также сослался на информацию, полученную Генеральной прокуратурой Российской Федерации, в результате оперативно-розыскных мероприятий. Что касается законности постановления о первоначальном заключении заявителя под стражу, суд отметил, что поскольку постановление Басманного районного суда г. Москвы от 7 апреля 2006 г. было оставлено без изменения судом кассационной инстанции, то заключение заявителя под стражу было законным. Суд постановил, что довод защиты об отсутствии доказательств совершения преступления не должен был рассматриваться в рамках судебного разбирательства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В итоге заключение заявителя под стражу было снова продлено до 2 декабря 2006 г.

40. Защита обжаловала постановление Басманного районного суда г. Москвы в суд кассационной инстанции, утверждая, в том числе, что продолжающееся содержание заявителя под стражей приводит к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению с заявителем. 9 октября 2006 г. Московский городской суд оставил без удовлетворения кассационную жалобу защиты.

41. 23 ноября 2006 г. Басманный районный суд города Москвы продлил срок содержания заявителя под стражей до 2 марта 2007 г. Басманный районный суд города Москвы снова рассмотрел объяснения сторон, "материалы", представленные обвинением, доводы заявителя в пользу его освобождения из-под стражи. В дополнение к ранее приведенным основаниям Басманный районный суд города Москвы указал на опасность сговора заявителя с Л.Н., Д.Г., Б., которые покинули пределы Российской Федерации. Басманный районный суд города Москвы также сослался на тот факт, что 6 апреля 2006 г.

заявитель не явился в судебное заседание, в котором суд огласил заключение, разрешающее возбуждение в отношении заявителя уголовного дела. Басманный районный суд города Москвы также отметил, что заявитель был задержан не в месте своего обычного проживания и что он не открыл дверь, когда сотрудники милиции прибыли для того, чтобы задержать его. В дополнение Басманный районный суд города Москвы также сослался на электронный документ, изъятый в офисе Д.Г., озаглавленный "Краткий уголовно-правовой анализ действий, совершенных руководителями и собственниками Группы "Менатеп-Роспром-Юкос", в процессе предпринимательской деятельности". Этот документ, по мнению Басманного районного суда города Москвы, описывал меры, которые собственники и руководители "ЮКОСа" планировали предпринять в целях оказания давления на должностных лиц правоохранительных органов через связи в политических кругах путем дачи взяток, подачи фиктивных исков и жалоб, путем организации клеветнических кампаний в средствах массовой информации и т.д. Наконец, Басманный районный суд города Москвы сослался на "оперативную информацию", представленную обвинением, которая демонстрировала намерение заявителя установить контакт с другими подозреваемыми, которые покинули пределы Российской Федерации.

42. 12 декабря 2006 г. предварительное следствие по делу было окончено. 20 декабря 2006 г. заявитель получил копию материалов уголовного дела, составлявших 113 томов.

43. 21 февраля 2007 г. срок содержания заявителя под стражей был продлен по ходатайству стороны обвинения. Сторона обвинения отметила, что в связи с плохим зрением заявителя ознакомление заявителя с материалами уголовного дела занимает длительный период времени. Обвинение утверждало, что заявитель обладал связями в Российской Федерации и за рубежом, что он мог скрыться от правосудия, оказать давление на свидетелей и иным образом воспрепятствовать следствию по делу. Басманный районный суд города Москвы постановил продлить срок содержания заявителя под стражей, сославшись на характер заявителя, риск того, что заявитель может скрыться, риск сговора заявителя с бывшими руководителями "ЮКОСа" и на фактические обстоятельства, изложенные в ходатайстве обвинения. Что касается состояния здоровья заявителя, то Басманный районный суд города Москвы, изучив медицинскую карту заявителя, решил, что его состояние не является препятствием для его участия в уголовном судопроизводстве.

44. 8 августа 2007 г. срок содержания заявителя под стражей был продлен до 2 декабря 2007 г., в совокупности до 19 месяцев и 27 дней. Основания для продления срока содержания заявителя под стражей повторяли основания, ранее указывавшиеся в постановлениях об избрании и продлении заключения под стражу. Защита обратилась к суду с ходатайством вызвать в суд для дачи показаний врачей заявителя из Московского городского центра профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы. Однако Басманный районный суд города Москвы отказал в удовлетворении этого ходатайства, сославшись на заключения медицинской части следственного изолятора, согласно которому заявитель находился в состоянии, которое позволяет ему участвовать в уголовном судопроизводстве и предстать перед судом.

45. 15 ноября 2007 г. срок содержания заявителя под стражей был продлен до 2 марта 2008 г. Среди прочего Басманный районный суд города Москвы рассмотрел вопрос о состоянии здоровья заявителя. Басманный районный суд города Москвы установил, что заявитель отказывался от предписанного ему лечения в условиях медицинской части следственного изолятора по месту заключения его под стражу. Однако заявитель не доказал, что ВААРТ <*> не могла осуществляться в условиях медицинской части следственного изолятора.

<*> ВААРТ - высокоактивная антиретровирусная терапия (метод терапии вируса иммунодефицита человека) (прим. переводчика).

46. 19 декабря 2007 г. Басманный районный суд города Москвы постановил, что защита должна завершить ознакомление с материалами уголовного дела в отношении заявителя к 15 января 2008 г. В постановлении от 19 декабря 2007 г. Басманный районный суд города Москвы указал, что заявитель страдает серьезным заболеванием глаз и не может самостоятельно читать документы и что следователь, занимающийся расследованием его дела, читает материалы уголовного дела заявителю вслух.

С. Состояние здоровья заявителя

1. Апрель - ноябрь 2006 г.

47. После его задержания 6 апреля 2006 г. заявитель был обследован врачами в следственном изоляторе ИЗ-99/1 города Москвы. Врачи помимо прочего установили наличие у заявителя серьезных проблем со зрением; у заявителя было установлено помутнение волокон стекловидного тела правого глаза (которое он сам описывал как "полная слепота") и общее нарушение остроты зрения.

48. По утверждению властей Российской Федерации, заявителю предоставлялась возможность сдать анализы крови в лаборатории, но заявитель отказался делать это по религиозным мотивам.

49. Заявитель утверждал, что после нескольких месяцев, проведенных в следственном изоляторе, его зрение ухудшилось до такой степени, что следователь, занимающийся расследованием его дела, был вынужден зачитывать ему материалы уголовного дела. У заявителя также развилась фотофобия.

50. 15 сентября 2006 г. у заявителя впервые было выявлено наличие ВИЧ. Заболевание заявителя было квалифицировано как "третьей степени" тяжести. Впоследствии оно было переквалифицировано на "четвертую степень". Врачи пришли к выводу, что заявитель мог содержаться в следственном изоляторе без неблагоприятного развития ВИЧ-инфекции при условии проведения регулярных обследований в специальном (специализирующемся на СПИДе) учреждении, включая медицинское наблюдение за состоянием его здоровья и своевременное применение специальной терапии.

51. В течение следующих месяцев медицинские обследования заявителя показали дальнейшее ухудшение состояния здоровья заявителя в результате развития ВИЧ-инфекции. Из истории болезни заявителя следует, что он получал лекарства от своих родственников и консультировался с врачом следственного изолятора.

52. В ноябре 2006 г. по запросу следователя история болезни заявителя была изучена группой врачей-специалистов. В заключении от 22 ноября 2006 г. врачи указали, что заявитель находился в состоянии, которое позволяло ему содержаться под стражей и участвовать в следственных действиях. Одновременно врачи отметили ухудшение состояния здоровья заявителя и рекомендовали проведение ВААРТ (высокоактивной антиретровирусной терапии) и регулярное наблюдение за состоянием здоровья заявителя в специализированном медицинском учреждении (каждые 12 недель или чаще при необходимости). Врачи также пришли к заключению, что правый глаз заявителя полностью ослеп и что зрение левого глаза серьезно нарушено (высокая степень миопии и сложный астигматизм). При этом врачи указали, что не обладают компетенцией для решения вопроса о том, можно ли проводить лечение заболеваний заявителя в условиях следственного изолятора (пункт 4 заключения).

2. Декабрь 2006 г. - сентябрь 2007 г.

53. По утверждению властей Российской Федерации, медицинская часть следственного изолятора располагала всеми необходимыми медикаментами. Кроме того, в 2007 - 2008 годах заявитель получил восемь передач с медикаментами от своих родственников. Что касается лечения ВААРТ, то соответствующие медикаменты могли быть приобретены родственниками заявителя в специализированной аптеке в г. Москве по предъявлении рецепта из Московского городского центра профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы. В подтверждение своих утверждений власти Российской Федерации сослались на письма начальника следственного изолятора Фикрета Тагиева, которые были представлены в распоряжение Европейского Суда в 2008 году.

54. Далее власти Российской Федерации представили письменные показания двух бывших сокамерников заявителя. Показания были адресованы администрации следственного изолятора. Первые показания от 30 января 2008 г. были подписаны Семиным, вторые показания от 31 января 2008 г. были подписаны Ремидовым. Семин содержался вместе с заявителем под стражей в апреле 2007 г. Он показал, что условия содержания под стражей были удовлетворительными и что "заявитель получал медицинскую помощь в полном объеме как из медицинской части следственного изолятора, так и от родственников". Ремидов содержался вместе с заявителем под стражей с конца сентября до ноября 2007 г. Ремидов дал показания, аналогичные показаниям Семина. Ремидов также отметил, что несколько раз заявитель вывозился на обследования в медицинские учреждения за пределами следственного изолятора.

55. Власти Российской Федерации представили копию истории болезни заявителя. Из истории болезни следует, что заявитель получал лекарства от родственников и из аптеки следственного изолятора. Медикаменты, упомянутые в истории болезни, включали аспирин, антибактериальные и противовирусные препараты ("Бисептол" и "Цикловир"), местные противовоспалительные препараты ("Тантум Верде"), противоаллергенные препараты ("Супрастин"), активированный уголь, иммуностимулирующие препараты ("Иммудон"), ноотропные препараты и так далее. Большинство из них было получено от родственников заявителя.

56. Как следует из истории болезни, в первой половине 2007 года заявитель не отказывался от лечения и обследований, предоставляемых медицинской частью следственного изолятора. 15 марта 2007 г. заявитель был доставлен на обследование в Московский городской центр профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы. Запись от 15 июня 2007 г. указывает на тот факт, что заявитель отказался от инъекции до предварительной консультации со своим адвокатом.

57. В июле 2007 г. заявитель стал страдать от сильных головных болей и болей в горле. 2 и 3 июля 2007 г. заявитель обратился к следователю с просьбой о направлении его на обследование и лечение в Московский городской центр профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы. Он также пожаловался на то, что медицинские осмотры проводились только от случая к случаю и что он перестал получать лечение, которое было ему ранее назначено. В своем ответе от 3 июля 2007 г. следователь сообщил заявителю, что оказание медицинской помощи лицам, содержащимся под стражей, входит в компетенцию органов уголовно-исполнительной системы и что запрос заявителя был им перенаправлен.

58. 10 июля 2007 г. заявитель был помещен в Московский городской центр профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы для проведения нового медицинского обследования. Заявитель был проинформирован о возможных побочных эффектах ВААРТ-лечения; заявитель подписал согласие на лечение. В согласии на лечение среди прочего разъяснялось, что лечение не может привести к радикальному выздоровлению заявителя и что оно может иметь побочные эффекты, о которых заявитель проинформирован. Письменное согласие на отказ от претензий также содержало наименования медикаментов, назначенных заявителю: запись

от 10 июля 2007 г. в истории болезни заявителя указывает на то, что заявитель согласился пройти курс антиретровирусной терапии.

59. По утверждению властей Российской Федерации, после 10 июля 2007 г., когда заявитель подписал информационное уведомление и письменно согласился на лечение ВААРТ, он отказался от этого лечения, настаивая на том, что оно должно осуществляться в самом специализированном медицинском учреждении, но не в медицинской части следственного изолятора. Власти Российской Федерации сослались на акт, подписанный заместителем начальника медицинской части следственного изолятора, врачом этой медицинской части и фельдшером, в котором они засвидетельствовали, что заявитель отказался от лечения ВААРТ.

60. История болезни заявителя, представленная властями Российской Федерации, содержала три записи от июля и августа 2007 г., свидетельствующие о том, что заявитель отказался пройти лечение или обследование персоналом медицинской части следственного изолятора (первая запись датирована 15 июля 2007 г.).

61. Заявитель утверждал, что лекарства, назначенные ему в рамках лечения ВААРТ, ему не предоставлялись, несмотря на его просьбы. В подтверждение этого он сослался на письмо следователя от 26 июля 2007 г., в котором тот упомянул, что заявитель просил его начать лечение ВААРТ. Заявитель утверждал, что 8 августа 2007 г. фельдшер медицинской части следственного изолятора, совершая свой вечерний обход, предложил ему коробки, которые предположительно содержали какие-то медикаменты. Фельдшер не сказал заявителю, что было в тех коробках. Заявитель, который был практически полностью слепым, отказался взять их, поскольку он не знал о том, что ему назначено какое-либо новое лечение.

62. В сентябре заявитель пожаловался следователю на то, что медицинские обследования в отношении его не проводились и что он не получал лечения. 12 сентября 2007 г. следователь направил письмо заявителя администрации следственного изолятора с просьбой о переводе заявителя в Московский городской центр профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы для медицинского обследования. В своем письме следователь просил "обеспечить своевременное медицинское обследование заявителя и лечение, включая лечение ВААРТ, рекомендованное в заключении по результатам экспертизы".

3. Сентябрь - ноябрь 2007 г.

63. С сентября 2007 г. заявитель страдал от гектической лихорадки, температура тела заявителя колебалась между 36 и 39 градусами Цельсия, заявитель потерял более 10% своего веса, и у него проявлялись признаки анемии. В дополнение к этому у него прогрессировал ряд оппортунистических заболеваний. Так, заявитель заразился опоясывающим лишаем, у него прогрессировал стоматит с признаками орального кандидоза и сопутствующей дисфагией. У заявителя имелись явные признаки неврологических проблем с проявлением энцефалопатии, полиневропатия, оптическая атрофия и дистрофия роговицы. Глазные яблоки заявителя впали, и он страдал от хронического блефарита. Дальнейшие обследования, по-видимому, выявили постоянное повреждение тканей печени с признаками хронического холецистита и другие заболевания.

64. 18 сентября 2007 г. заявитель был доставлен для консультации в Московский городской центр профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы. 16 октября 2007 г. заявитель прошел еще одно медицинское обследование, которое выявило существенное ухудшение состояния его здоровья в результате развития ВИЧ-инфекции. 23 октября 2007 г. заявитель снова прошел обследование в Московском городском центре профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы. В заключении врачей Галиной и Оскиной

констатировалось, что заявитель болен СПИДом (3-я (4-я) стадия "Б"). Состояние заявителя описывалось как "среднетяжелое (неудовлетворительное)". В заключении также содержалась рекомендация заявителю пройти стационарное обследование и лечение в Московском городском центре профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы.

65. Защита связалась с доктором Дэвидом А. Хокинсом (David A. Hawkins), английским экспертом в области СПИДа, и врачом-консультантом при больнице Челси и Вестминстера, Лондон. Изучив историю болезни заявителя, доктор Хокинс пришел к следующим выводам:

"По моему мнению, состояние здоровья (заявителя) является таковым, что при отсутствии лечения оппортунистических инфекций и самой ВИЧ-инфекции существует неминуемая угроза жизни заявителя. Также существует основной неминуемый риск причинения здоровью заявителя невосполнимого вреда в случае, если лечение оппортунистических инфекций и самой ВИЧ-инфекции не будет начато незамедлительно.

В случае содержания (заявителя) под стражей в Соединенном Королевстве нет сомнений в том, что он был бы освобожден из-под стражи по мотивам проявления сострадания или по крайней мере был бы переведен в специальное медицинское учреждение для установления диагноза его состояния, лечения и стабилизации его состояния. Вызывает большую озабоченность тот факт, что многочисленные серьезные и на самом деле угрожающие жизни (и зрению) проблемы заявителя были оставлены без своевременного внимания".

66. 24 сентября 2007 г. администрация следственного изолятора сообщила адвокатам заявителя, что в следственный изолятор поступили необходимые рецепты от врачей Московского городского центра профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы и что родственники заявителя могут приобрести для заявителя необходимые лекарства. При этом, по утверждению администрации следственного изолятора, заявитель мог принимать соответствующие лекарства в следственном изоляторе, и лечение не требовало перевода заявителя в условия стационара за пределы следственного изолятора.

67. 26 октября 2007 г. заявитель был переведен из следственного изолятора 99/1 в медицинскую часть следственного изолятора 77/1.

68. По результатам медицинского обследования заявителя защита заявителя обратилась с ходатайством к следователю об отмене заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу.

69. 29 октября 2007 г. следователь принял решение, что с учетом критического состояния здоровья мера пресечения заявителю должна быть изменена на освобождение под залог. Однако заявитель не был освобожден из заключения; вместо этого 31 октября 2007 г. следователь направил в Басманный районный суд города Москвы ходатайство об освобождении заявителя под залог. Обвинение требовало установить сумму залога в 2 500 000 рублей. В ходатайстве об освобождении под залог следователь в том числе указал, что заболевания заявителя не могут лечиться в условиях следственного изолятора.

70. 2 ноября 2007 г. Басманный районный суд города Москвы рассмотрел ходатайство следователя. По утверждению заявителя, представитель Генеральной прокуратуры Российской Федерации возражал против освобождения заявителя под залог.

71. Басманный районный суд города Москвы решил, что он не обладает компетенцией для решения названного вопроса. Басманный районный суд города Москвы также отметил, что согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации решение об освобождении заявителя под залог должен принимать следователь, в производстве которого находится соответствующее уголовное дело.

72. 9 ноября 2007 г. следователь принял новое решение, которым отказал в удовлетворении ходатайства об освобождении заявителя под залог. Следователь отметил,

что решение о необходимости лечения заявителя в общегражданском (за пределами следственного изолятора) лечебном учреждении принимается администрацией следственного изолятора. Далее следователь указал, что согласно информации медицинской части следственного изолятора заявитель отказывался от лечения, которое предлагали врачи этой медицинской части. Следователь также принял во внимание постановление Басманного районного суда города Москвы от 2 ноября 2007 г., которым было отказано в удовлетворении ходатайства об освобождении заявителя. Следователь пришел к выводу, что он не вправе принять решение о необходимости перевода заявителя в специализированное медицинское учреждение. Защита безуспешно обжаловала постановление следователя от 9 ноября 2007 г.

73. 15 ноября 2007 г. Басманный районный суд города Москвы продлил срок заключения заявителя под стражей. Что касается состояния здоровья заявителя, то Басманный районный суд города Москвы сослался на справку медицинской части следственного изолятора, которая указывала на то, что по состоянию здоровья заявитель может находиться под стражей и может принимать участие в уголовном судопроизводстве. В справке также отмечалось, что заявитель отказывается от обследования врачами медицинской части следственного изолятора и отказывается принимать предписанное ему ВААРТ-лечение. Басманный районный суд города Москвы также сослался на результаты "комплексной судебно-медицинской экспертизы заявителя". По-видимому, Басманный районный суд города Москвы ссылался на исследование, проведенное в 2006 году (см. выше, пункт 52).

74. Записи в истории болезни заявителя от октября - декабря 2007 г. указывают на то, что несколько раз заявитель отказывался от медицинского обследования в медицинской части следственного изолятора. При этом отсутствует информация о том, какое лечение получил заявитель или какое лечение ему было предложено. В записи от 28 ноября 2007 г. указано, что заявитель отказался от медицинского обследования и лечения "в условиях инфекционного отделения медицинской части следственного изолятора". В записи от 19 декабря 2007 г. указано, что заявитель настаивал на лечении в Московском городском центре профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы. Названные записи в истории болезни заявителя заверены подписями дежурного медицинского персонала.

4. Применение Европейским Судом правила 39 Регламента Европейского Суда (ноябрь - декабрь 2007 г.)

75. 26 ноября 2007 г. адвокат заявителя обратился к Европейскому Суду с ходатайством о применении предварительных мер согласно правилу 39 Регламента Европейского Суда. Адвокат жаловался, что, несмотря на то что заявитель по состоянию здоровья не мог содержаться под стражей, суд, а затем и следователь отказались рассматривать ходатайство об освобождении заявителя из-под стражи и избрании ему меры пресечения в виде залога.

76. 27 ноября 2007 г. Председатель Первой Секции Европейского Суда, куда дело заявителя было передано для рассмотрения, принял решение уведомить власти Российской Федерации о применении предварительных мер в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда, которые состояли в следующем. Властям Российской Федерации было предложено путем применения адекватных мер незамедлительно обеспечить лечение заявителя в условиях стационара в специализированном медицинском учреждении для лечения СПИДа и сопутствующих заболеваний. Властям Российской Федерации было также предложено представить копию истории болезни заявителя к 5 декабря 2007 г.

77. По утверждению заявителя, в тот же день (то есть 27 ноября 2007 г.) следователь Генеральной прокуратуры Российской Федерации г-жа Р. в присутствии адвоката

заявителя оказала на него давление с целью заставить заявителя сделать ложное признание и дать ложные показания против других лиц в обмен на освобождение для прохождения лечения.

78. 4 декабря 2007 г. власти Российской Федерации проинформировали Европейский Суд, что предварительные меры еще не были осуществлены, поскольку "это требует дополнительного времени".

79. 20 декабря 2007 г. заявитель прошел еще одно обследование в Московском городском центре профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы, в котором принимали участие врачи медицинской части следственного изолятора. В медицинском заключении указывалось, что заявитель "продолжает отказываться от антиретровирусного лечения". Одной из рекомендаций врачей было "начать лечение ВААРТ по получении результатов анализов крови, взятых 20 декабря 2007 г."

80. 21 декабря 2007 г. Европейский Суд уведомил власти Российской Федерации о дополнительной предварительной мере, подтвердив в то же время действительность ранее установленной предварительной меры (перевод заявителя в специализированное учреждение). Властям Российской Федерации было предложено с участием представителей всех заинтересованных сторон сформировать медицинскую комиссию для диагностики состояния здоровья заявителя и определения лечения. Комиссия должна была также определить, могли ли заболевания заявителя адекватно лечиться в условиях медицинской части следственного изолятора. Властям Российской Федерации было предложено проинформировать Европейский Суд о выполнении этой предварительной меры к 27 декабря 2007 г.

81. 25 декабря 2007 г. представитель заявителя связался с властями Российской Федерации. Он представил властям Российской Федерации список врачей, которые должны были быть включены в медицинскую комиссию со стороны заявителя.

82. 27 декабря 2007 г. власти Российской Федерации ответили, что заявитель мог получать адекватное медицинское лечение в медицинской части следственного изолятора и что обследование заявителя смешанной комиссией врачей нарушает требования законодательства Российской Федерации.

83. В письме от 23 января 2008 г., подписанном В.Н. Плюсовым, заместителем начальника Медицинского управления Федеральной службы исполнения наказаний, указывалось, что 21 декабря 2007 г. заявитель консультировался с рядом врачей, сдал слюну для анализа на туберкулез, сдал анализ крови, прошел рентгенологическое обследование и заявителю была сделана биопсия лимфатических узлов.

84. Власти Российской Федерации предоставили несколько заключений врачей медицинской части следственного изолятора, в которых указывалось, что заявитель отказывался от посещения врача и проведения медицинских тестов. Среди названных заключений были два заключения от 8 и 9 августа 2007 г. соответственно, в которых несколько должностных лиц следственного изолятора указывали на то, что заявитель "отказывался принимать медицинские препараты, которые являлись частью лечения, предписанного Московским городским центром профилактики и борьбы со СПИДом".

85. 21 января 2008 г. группа врачей из больницы Челси и Вестминстера по запросу адвокатов заявителя изучили историю болезни заявителя. Врачи пришли к следующему выводу:

"(Заявитель) может получать надлежащий уход только в условиях специализированного медицинского учреждения по СПИДу, и какими бы ни были основания для заключения его под стражу, соответствующее лечение должно быть ему обеспечено по соображениям гуманизма. Заявитель крайне серьезно болен и находится под риском неминуемой смерти".

86. 22 января 2008 г. Верховный Суд Российской Федерации оставил без удовлетворения жалобу заявителя на последнее постановление о продлении срока заключения заявителя под стражей. Во время проведения судебного заседания заявитель оставался в медицинской части следственного изолятора; при этом он мог общаться с судьями через систему видеоконференций. В судебном заседании заявитель утверждал, что 28 декабря 2006 г. он был доставлен в здание Генеральной прокуратуры Российской Федерации, где он встречался с господином Каримовым, следователем, руководившим расследованием уголовных дел, возбужденных в отношении Михаила Ходорковского и Платона Лебедева. Следователь Каримов предложил заявителю сделку: освобождение из-под стражи в обмен на показания против М. Ходорковского и П. Лебедева. Предположительно следователь Каримов сказал заявителю, что Генеральная прокуратура Российской Федерации осведомлена о состоянии его здоровья, и что заявителю желательно получать необходимое лечение, возможно, в лечебном учреждении за пределами Российской Федерации. В апреле 2007 г. господин Хатыпов, следователь, руководивший расследованием уголовного дела заявителя, сообщил защитнику заявителя - адвокату Львовой, что если заявитель признает свою вину и согласится сотрудничать со следствием, то он будет освобожден из-под стражи. Заявитель утверждает, что он получил аналогичное предложение 27 ноября 2008 г. от госпожи Рузановой - следователя, работающей вместе со следователем Каримовым.

5. Последние изменения в ситуации заявителя

87. 30 января 2008 г. началось предварительное судебное разбирательство по делу заявителя.

88. 31 января 2008 г. врачи диагностировали у заявителя лимфому, обусловленную наличием у заявителя СПИДа.

89. 4 февраля 2008 г. заявитель прошел еще одно медицинское обследование комиссией врачей, состоящей из В.Л. Ивановой, заведующей городским гематологическим центром Городской клинической больницы имени С.П. Боткина, и двух врачей - Маркаряна и Лазарева. Врачи пришли к выводу, что помимо СПИДа заявитель страдает от Т-клеточной лимфомы. Врачи рекомендовали заявителю проведение лечения (полихимиотерапию в сочетании с антиретровирусной терапией) в условиях стационара гематологической больницы.

90. В тот же день заявитель был осмотрен врачами Юриным и Фроловой. Они рекомендовали заявителю проведение противотуберкулезного лечения, а также проведение исследования на предмет переносимости заявителем некоторых компонентов антиретровирусной терапии. В заключении врачей не содержалось каких-либо рекомендаций относительно дальнейшего содержания заявителя под стражей.

91. 6 февраля 2008 г. Симоновский районный суд города Москвы приостановил разбирательство дела заявителя. Симоновский районный суд города Москвы пришел к выводу, что тяжелое состояние здоровья заявителя препятствует участию заявителя в судебном разбирательстве.

92. Суд также рассмотрел ходатайство об освобождении из-под стражи, поданной стороной защиты. Сторона обвинения настаивала на том, что в случае освобождения из-под стражи заявитель может воспрепятствовать нормальному ходу следствия. Суд принял во внимание данный довод стороны обвинения и постановил следующее:

"В настоящее время (заявителю) предъявлено обвинение в совершении тяжких преступлений; в случае освобождения он может воспрепятствовать установлению истины по делу, (а также) оказать давление на других участников уголовного дела. Следовательно, основания применения меры пресечения не изменились".

93. Далее суд отметил, что заявителем получено адекватное лечение в медицинской части следственного изолятора. Суд сослался на тот факт, что заявитель был обследован несколькими ведущими врачами, в том числе Ивановой, главным врачом гематологической клиники, Юриным, заместителем директора Федерального центра профилактики СПИДа, и Фроловой, директором Федерального противотуберкулезного центра.

Суд пришел к следующему выводу:

"Лечение заявителя будет продолжено в соответствии с рекомендациями врачей, что не требует изменения меры пресечения".

94. 8 февраля 2008 г. заявитель был помещен в Городскую больницу N 60 в соответствии с рекомендациями от 4 февраля 2008 г. В больнице заявитель круглосуточно находился под охраной сотрудников органов внутренних дел; окна его палаты были закрыты металлическими решетками.

95. 9 февраля 2008 г. заявитель повторно был обследован специалистами Московского городского центра профилактики и борьбы со СПИДом Департамента здравоохранения города Москвы. Он получил препараты для проведения ВААРТ. Тем не менее спустя день после принятия соответствующего лекарства его состояние ухудшилось, ему была поставлена капельница, и терапия была прекращена. 11 февраля 2008 г. врачи изменили рекомендации, новый режим ВААРТ был предписан и установлен.

96. 12 февраля 2008 г. у заявителя была установлена язва пищевода.

97. По утверждению заявителя, находясь в больнице, он практически постоянно был прикован наручниками к кровати; освобождался только, направляясь в туалет или душ. Впервые заявителю удалось встретиться со своим адвокатом 16 февраля 2008 г. Как следует из обращения Тагиева от 26 мая 2008 г., заявитель находился в наручниках в период с 8 по 18 февраля 2008 г. во избежание побега. Наручники снимались каждые два часа для восстановления нормальной циркуляции крови.

98. 2 марта 2008 г. срок содержания заявителя под стражей истек. Он обратился с ходатайством об освобождении.

99. Заявитель представил заключение доктора Воробьева, директора Гематологического центра города Москвы от 3 марта 2008 г. Воробьев после изучения истории болезни заявителя пришел к выводу, что лимфома заявителя относится к категории раковой неоплазмы лимфатических тканей и что заявителю требуется пройти 4-месячный курс полихимиотерапии с последующим соблюдением режима. Он подчеркнул, что химиотерапия должна быть проведена в стерильных условиях.

100. 22 мая 2008 г. представитель заявителя проинформировал Европейский Суд о том, что заявитель переносит тяжелые аллергические реакции на ВААРТ и что его состояние не является настолько стабильным, чтобы проводить требуемую полихимиотерапию лимфомы, связанной со СПИДом.

101. В настоящее время заявитель пребывает в Городской больнице N 60, где ему оказывается лечение. Срок содержания его под стражей продлен до января 2009 г.

II. Применимое национальное законодательство

A. Заключение под стражу - общие положения

102. В соответствии со статьей 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК) органы внутренних дел могут задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения. Санкция суда для такого задержания не требуется.

103. "Мерами процессуального принуждения" или "мерами пресечения" являются подписка о невыезде, личное поручительство, залог и заключение под стражу (статья 98 УПК). При необходимости у подозреваемого или обвиняемого может быть взято обязательство о явке (статья 112 УПК). Согласно статье 94 УПК по истечении 48 часов с момента задержания подозреваемый подлежит освобождению, если в отношении его не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания в порядке, установленном статьей 108 (пунктом 3 части седьмой) УПК. При необходимости применения к лицу меры пресечения прокурором или следователем или дознавателем с согласия прокурора подается соответствующее ходатайство в районный суд.

104. В соответствии со статьей 108 УПК такая мера пресечения, как заключение под стражу, может быть применена только по решению суда к лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, наказание за которое превышает два года лишения свободы, при отсутствии возможности применения иной, более мягкой меры пресечения.

105. Если постановление судьи о применении к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении срока задержания под стражей не принято в течение 48 часов с момента задержания, лицо подлежит незамедлительному освобождению, а начальник учреждения, в котором подозреваемый содержался под стражей, должен уведомить орган дознания или следователя, в чьем производстве находится уголовное дело, и прокурора о таком освобождении. При наличии решения суда об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу копия такого решения подлежит вручению подозреваемому по освобождению.

106. В соответствии со статьей 97 УПК суд вправе избрать обвиняемому меру пресечения (в виде заключения под стражу) при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда; 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью; 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

107. Согласно статье 98 УПК <*> к обстоятельствам, учитываемым при избрании меры пресечения, помимо предусмотренных статьей 97 УПК, относятся тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. Решение судьи должно быть передано должностному лицу, обратившемуся с ходатайством, прокурору, а также обвиняемому (подозреваемому) для немедленного исполнения. В соответствии со статьей 108 УПК второе ходатайство об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу в рамках того же уголовного дела после отказа суда в удовлетворении первого может быть подано только в случае появления новых обстоятельств, оправдывающих помещение лица под стражу. Решение суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу может быть обжаловано в суд вышестоящей инстанции в течение трех дней со дня его принятия. Судья кассационной инстанции должен принять решение по такой жалобе или представлению в течение трех дней с даты их поступления.

<*> По-видимому, имеется в виду статья 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации "Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения" (прим. переводчика).

В. Заключение под стражу - специальные нормы, применимые к адвокатам

108. Статья 447 УПК устанавливает особый порядок производства по уголовным делам в отношении членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, судей, прокуроров, адвокатов и так далее. В соответствии со статьей 448 решение о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката принимается прокурором. Данное решение подлежит одобрению судьей. Согласно статье 449 УПК не допускается задержание членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, судей, прокуроров и иных должностных лиц, за исключением случаев, когда они застигнуты на месте совершения преступления. Адвокаты не обладают иммунитетом от "задержания".

109. В соответствии с частью пятой статьи 450 УПК при отсутствии судебного решения о согласии на возбуждение уголовного дела в отношении адвоката суд должен дать согласие на производство следственных действий в отношении адвоката.

110. 14 декабря 2004 г. Конституционный Суд Российской Федерации дал толкование статье 448 УПК (Постановление N 384-О) в части, касающейся членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Он указал, в частности, что до дачи согласия на возбуждение уголовного дела в отношении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации суды должны "проверить достаточность информации о совершении преступления, представляемой стороной обвинения" (пункт 1 резолютивной части Постановления).

С. Медицинская помощь заключенным под стражу

111. 16 августа 1994 г. Министерством здравоохранения Российской Федерации издан приказ N 170 об образовании общенациональной сети центров по профилактике и борьбе со СПИДом, а также об утверждении методических рекомендаций врачам по диагностике или лечению СПИДа. Им также установлена классификация различных стадий СПИДа: 1) стадия инкубации, 2) стадия первичных проявлений, 3) стадия вторичных заболеваний, 4) терминальная стадия. Каждая стадия подразделяется на фазы (А, В и так далее). Пункт 2.4 приказа предусматривает, что при ухудшении состояния здоровья ВИЧ-положительного пациента, в частности, при проявлении вторичных заболеваний или несвязанных заболеваний, он должен быть помещен в стационар. В приказе предусмотрено, что ВИЧ-положительные пациенты подлежат лечению в специализированных учреждениях или специализированных отделениях общих больниц; при этом "в случае если специализированное учреждение не доступно, рекомендуется помещать лицо в больницу с инфекционным профилем".

Д. Досрочное освобождение по состоянию здоровья

112. 6 февраля 2004 г. Правительством Российской Федерации издано постановление N 54 об утверждении перечня заболеваний, препятствующих отбыванию наказания. Перечень включает в себя злокачественные новообразования (рак) лимфатической и кроветворной тканей, миелопролиферативные опухоли (пункт 7 перечня), выраженное снижение остроты зрения на почве стойких патологических изменений (острота зрения глаза, который лучше видит, не превышает 0,05 и не может быть скорректирована), болезни, вызванные ВИЧ-инфекцией на стадии вторичных заболеваний, в форме общей инфекции, онкологии или поражения центральной нервной системы.

III. Применимые международные инструменты

113. Европейские тюремные правила гласят, что заключенные должны переводиться в специализированные медицинские учреждения в случае, когда соответствующее

лечение не возможно в месте содержания под стражей (Правило 46.1, Рекомендация (Res. (2006)2) Комитета министров государствам - участникам Совета Европы). Рекомендация R(93) 6 Комитета министров государствам - участникам Совета Европы о тюремных и криминологических аспектах контроля за трансмиссивными болезнями, включая СПИД и сопутствующие заболевания, предусматривает, *inter alia*, что заключенные больные ВИЧ на последних стадиях должны освобождаться из-под стражи как можно раньше, и им должно оказываться надлежащее лечение за пределами места содержания под стражей.

114. Международные руководящие принципы ООН по вопросам СПИДа/ВИЧ, озаглавленные "Свобода от пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания", утверждают, что отказ заключенным в доступе к медицинской помощи, связанной с ВИЧ-инфекцией, может представлять собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, поскольку заключенные, страдающие от СПИДа (в отличие от "простого" наличия ВИЧ-инфекции), должны рассматриваться как подлежащие освобождению из-под стражи ранее установленного срока, и им должно оказываться надлежащее лечение за пределами места содержания под стражей.

115. Соответствующие извлечения из Третьего общего доклада (СРТ/Inf (93) 12) Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее - ЕКПП) предусматривают следующее:

"38. Медицинское обслуживание в местах, где содержатся лица, лишённые свободы, должно обеспечивать лечение и уход, а также соответствующую диету, физиотерапевтическое лечение, реабилитацию или любое другое необходимое специальное лечение на условиях, сопоставимых с теми, которыми пользуются пациенты вне таких учреждений. Также должна, соответственно, предусматриваться обеспеченность медицинским персоналом, персоналом по уходу и техническими специалистами, служебными помещениями, сооружениями и оборудованием.

Необходим соответствующий контроль за снабжением и распределением лекарств, а изготовление лекарств следует поручать квалифицированному персоналу (фармацевту/медицинской сестре и т.д.).

39. Медицинская карта должна заполняться на каждого пациента, содержать диагностическую информацию, а также текущие записи об изменениях состояния пациента и о любых специальных обследованиях, которым он подвергался. В случае перевода пациента в другое учреждение карта должна быть направлена врачам того учреждения, куда поступает лицо, лишённое свободы.

Кроме того, медицинский персонал каждой бригады должен вести ежедневные записи в журнале, в котором содержится информация по отдельным происшествиям, имеющим отношение к пациентам. Такие записи полезны тем, что они дают общее представление о ситуации в организации здравоохранения в данном тюремном учреждении и в то же время освещают проблемы, которые могут возникнуть.

40. Предпосылкой успешного функционирования медицинской службы служит возможность для врачей и персонала по уходу регулярно встречаться и создавать рабочие группы под руководством старшего врача, который возглавляет службу".

Право

I. Возражение властей Российской Федерации относительно нарушения права на обращение

116. Власти Российской Федерации утверждали, что в своих замечаниях представитель заявителя употребил бранные выражения. Его замечания содержали серьезные высказывания в адрес властей Российской Федерации и лично в адрес

представителя властей Российской Федерации. Так, заявитель утверждал, что решение о заключении его под стражу было "основано на неподтвержденных доводах"; в замечаниях упоминалась "невиданная торопливость, с которой были применены пресечения", употреблены такие выражения, как "власти Российской Федерации ошибочно утверждают" и "захватывающие дух безответственные утверждения властей Российской Федерации". Власти Российской Федерации рассматривают это как злоупотребление правом на обращение по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции.

117. Европейский Суд напоминает, что за исключением нерядовых случаев жалоба может быть отклонена как поданная со злоупотреблением, если она основана на заведомо недостоверных фактических обстоятельствах (см. Постановление Европейского Суда по делу "Акдивар и другие против Турции" (*Akdivar and Others v. Turkey*) от 16 сентября 1996 г., § 53 - 54, *Reports of Judgments and Decisions 1996-IV*; Решение Европейского Суда по делу "И.С. против Болгарии" (*I.S. v. Bulgaria*) от 6 апреля 2000 г., жалоба N 32438/96, и Постановление Европейского Суда по делу "Варбанов против Болгарии" (*Varbanov v. Bulgaria*), жалоба N 31365/96, § 36, *ECtHR 2000-X*). Постоянное употребление заявителем оскорбительных или провокационных высказываний может рассматриваться как злоупотребление правом на обращение по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции (см. решения Европейского Суда по делу "Мануссос против Чешской Республики и Германии" (*Manoussos v. Czech Republic and Germany*) от 9 июля 2002 г., жалоба N 46468/99; по делу "Дурингер и другие против Франции" (*Duringer and Others v. France*), жалобы N 61164/00 и 18589/02; Решение Европейской Комиссии по делу "Стамулакатос против Соединенного Королевства" (*Stamoulakatos v. United Kingdom*) от 9 апреля 1997 г., жалоба N 27567/95).

118. Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Европейский Суд отмечает, что высказывания, допущенные адвокатом заявителя и процитированные властями Российской Федерации, отражают его эмоциональное состояние по поводу поведения властей Российской Федерации в деле его клиента. Данные утверждения представляют собой оценочные суждения и как таковые не могут рассматриваться как "неправдивые". По своей форме они, как считает Европейский Суд, не являются "оскорбительными или провокационными". В итоге Европейский Суд полагает, что процитированные выше высказывания не представляют собой нарушение права на обращение. Соответственно, возражение властей Российской Федерации подлежит отклонению.

II. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции

119. Заявитель жаловался на предполагаемое отсутствие медицинской помощи в следственном изоляторе. Он утверждал, что состояние его здоровья несовместимо с содержанием под стражей. Он ссылаясь на положения статьи 3 Конвенции, которая предусматривает:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

A. Приемлемость жалобы

120. В свете доводов сторон Европейский Суд полагает, что жалоба поднимает серьезные вопросы фактического и правового характера в соответствии с Конвенцией, разрешение которых требует рассмотрения жалобы по существу. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Иных оснований для объявления ее неприемлемой не имеется.

B. Существо жалобы

1. Доводы властей Российской Федерации

121. Власти Российской Федерации утверждали, что права заявителя, предусмотренные статьей 3 Конвенции, нарушены не были. По утверждению властей Российской Федерации, после задержания заявитель не сообщал властям о своей болезни и вплоть до сентября 2006 г. отказывался сдать кровь на анализ с целью выявления ВИЧ-инфекции. В своих замечаниях от 2 июня 2006 г. адвокат заявителя не упоминал о ВИЧ, а только о сопутствующих болезнях. В 2006 году заявителю было показано "медицинское и антиретровирусное лечение". В 2007 году врачи рекомендовали повторно "пройти аппаратную диагностику и антиретровирусное лечение". Тем не менее заявитель постоянно отказывался пройти обследование и лечиться. Власти Российской Федерации ссылались на письма, направленные начальником следственного изолятора в 2008 году, и на рапорты медицинских работников следственного изолятора, подтверждавшие отказы заявителя от приема антиретровирусного лекарства, а также его избирательный прием лекарств после консультаций с адвокатом. Только в декабре 2007 г. заявитель согласился пройти соответствующее обследование, представлявшее собой "аппаратную диагностику обследования лимфатических узлов".

122. Далее власти Российской Федерации утверждали, что условия следственного изолятора позволяли предоставлять заявителю лечение. Они ссылались, в частности, на мнение доктора Покровского, руководителя Федерального научного и методологического центра по профилактике и борьбе со СПИДом, который утверждал, что медицинская часть следственного изолятора 77/1 приспособлена для лечения пациентов с инфекционными заболеваниями. В соответствии с международной классификацией болезнью ВИЧ относится к инфекционным заболеваниям. Более того, один из врачей медчасти следственного изолятора, Молокова, прошла курс обучения диагностики ВИЧ и инфекций, связанных с ВИЧ. Некоторые парамедики также прошли обучение по вопросам, связанным с ВИЧ. У медицинской части следственного изолятора имелись все необходимые соглашения с медицинскими учреждениями, подведомственными Министерству здравоохранения Российской Федерации, которые в тяжелых случаях проводили консультирование пациентов. Более того, в рамках Национального проекта "Здоровье" в медицинскую часть следственного изолятора были поставлены антиретровирусные препараты. Доктор Покровский сделал вывод, что в медицинской части следственного изолятора имелось все необходимое для лечения пациентов с ВИЧ-инфекцией.

123. Кроме того, власти Российской Федерации представили письма Тагиева от 25 января 2008 г., содержавшие описание медицинского оборудования медчасти следственного изолятора. Содержание писем можно передать следующим образом. В следственном изоляторе 77/1 имелась поликлиника с помещениями для стационарного лечения пациентов (далее - медицинская часть). Медицинская часть включала в себя 706 койко-мест. В медицинской части были хирургическое, терапевтическое, кожно-венерологическое, а также туберкулезное и инфекционное отделения. Медчасть сотрудничала с Московским государственным институтом стоматологии и Третьей московской медицинской академией, которые открыли в медчасти отделения челюстно-лицевой хирургии. В хирургическом отделении было 68 койко-мест, в том числе 8 - в палате интенсивной терапии. Данная медицинская часть принимала пациентов не только из этого, но и других следственных изоляторов. В письмах также содержалось описание хирургического отделения медицинской части, его помещений и оборудования в хирургической палате и палате для обследований. В соответствии с соглашением с Департаментом здравоохранения города Москвы анализ крови на ВИЧ проводился специалистами медицинских учреждений не в системе органов исполнения наказаний.

124. По утверждению властей Российской Федерации, описание заявителем его условий содержания под стражей было неправдивым. Власти Российской Федерации

признали, что заявитель находился в наручниках после его перевода в Городскую больницу N 60. Однако это было необходимо в целях обеспечения безопасности и кратковременно.

125. Власти Российской Федерации утверждали, что медицинские документы, в частности заключения врачей Госпиталя Челси и Вестминстера в г. Лондон от 21 января 2008 г., не могут быть признаны в качестве допустимых доказательств. Данные врачи лично не обследовали заявителя, а их выводы были сделаны исключительно на основании истории болезни. Напротив, врачи, работающие в системе исполнения наказаний, которые находились в непосредственном контакте с заявителем, настаивали на том, что он мог получать необходимую медицинскую помощь в рамках медицинской части следственного изолятора.

2. Доводы заявителя

126. Заявитель утверждал, что состояние его здоровья было несовместимо с содержанием под стражей. Еще в сентябре 2006 г. медицинская комиссия констатировала, что он может быть заключен под стражу только при своевременном и надлежащем наблюдении со стороны специалиста течения ВИЧ-инфекции. Заявитель утверждал, что помощь со стороны специалиста в связи с его ВИЧ-инфекцией (СПИДом) была не доступна для него ни в следственном изоляторе 99/1, ни в следственном изоляторе 77/1. Более того, зрение заявителя ухудшилось в следственном изоляторе; он практически ослеп.

127. Заявитель отрицал утверждение властей Российской Федерации о том, что он отказался от лечения. Он отказался сдать единственный раз анализ крови, в первый день помещения его в следственный изолятор. Впоследствии заявителем сдана дюжина различных анализов крови, при этом впервые не позднее августа 2006 г. Заявитель никогда не отказывался ни от "инструментальной диагностики", ни от обследования лимфатических узлов. Власти Российской Федерации признали, что в соответствии с законодательством Российской Федерации отказ от прохождения лечения подлежал письменной фиксации и подписи заключенного; тем не менее власти Российской Федерации не представили документов, содержащих подпись заявителя, в которых был бы зафиксирован его отказ от лечения. Заявитель обратил внимание Европейского Суда на тот факт, что раздел "Прописанное лечение" истории болезни, хранившейся в следственном изоляторе, остался незаполненным.

128. Далее заявитель ссылаясь на несколько документов, в которых внутригосударственные власти признали, что заявитель не получил ВААРТ в следственном изоляторе. Поскольку надлежащий уход заявителя в следственном изоляторе не осуществлялся, он заболел СПИДом и вторичным заболеванием - лимфомой. Описание медчасти следственного изолятора, представленное властями Российской Федерации (стоматологическое отделение, операционная и так далее), является не чем иным, как "унылым перечнем восхвалений", и абсолютно не имело с его ситуацией ничего общего. В медчасти следственного изолятора абсолютно отсутствовали квалифицированные врачи; единственным врачом, прошедшим обучение по вопросам лечения СПИДа, являлась доктор Молокова. Данное обучение предусматривало 72-часовой диагностический курс, который она прошла в 2003 году. Что касается фотографий камеры заявителя, представленных властями Российской Федерации, следует отметить, что они были сделаны 30 января 2008 г., после проведения большого ремонта и оборудования камер телевизорами, холодильниками и иными предметами для удобства. Соответственно, описание условий содержания в следственном изоляторе, представленное властями Российской Федерации, не соответствовало реальному положению вещей.

129. Заявитель также обратил внимание Европейского Суда на тот факт, что в октябре 2007 г. следователь, в чьем производстве находилось его уголовное дело, избрал

меру пресечения в виде залога на том основании, что обследование и лечение заявителя невозможны в условиях следственного изолятора. Несмотря на то, что его постановление было впоследствии отменено вышестоящим должностным лицом, ни сам следователь, ни вышестоящее должностное лицо не отказывали в допуске. Заявитель отметил, что в 2007 году Европейский Суд, действуя в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда, предложил властям Российской Федерации сформировать медицинскую комиссию из представителей обеих сторон в целях исследования состояния здоровья заявителя. Между тем власти Российской Федерации не исполнили данное требование. Заявитель просил Европейский Суд сделать выводы, исходя из такого поведения властей, и сослался на выводы врачей из больницы Челси и Вестминстера от 21 января 2008 г., которые продолжали настаивать на том, что лечение заявителя несовместимо с длящимся заключением заявителя в следственном изоляторе.

130. Заявитель утверждал, что несколько раз следственные органы предлагали ему сделку: в обмен на освобождение из-под стражи он должен был дать показания против Ходорковского и Лебедева. Последний раз подобное предложение было сделано уже после применения Европейским Судом правила 39 Регламента Европейского Суда.

131. Заявитель отметил, что он никогда не хотел делать общественно известными сведения о его болезни и плохом самочувствии. Тем не менее 16 января 2008 г., в ходе открытого судебного заседания, состоявшегося в Верховном Суде Российской Федерации, прокурор заявил, что у заявителя - СПИД, унизив его тем самым перед общественностью.

132. По утверждению заявителя, после того, как он был переведен в общую больницу, он подвергался унижительному обращению. Так, родственники заявителя были уведомлены о его местонахождении только спустя несколько дней после его перевода в больницу. Юристу заявителя было позволено встретиться с ним только на восьмой день после перевода. Власти Российской Федерации запретили семье посещать его, несмотря на соответствующее разрешение суда. В течение десяти дней заявитель был прикован на протяжении всего дня к своей кровати наручниками, даже ночью и во время медицинских процедур. Несколько дней заявителю запрещалось принимать душ, несмотря на то, что это было необходимо в целях соблюдения гигиены, а принимая во внимание его слабый иммунитет, отсутствие возможности принять душ создавало высокий риск инфекционных заболеваний. Заявитель находился под постоянным наблюдением надзирателей даже в туалете. Находившиеся с ним постоянно в палате надзиратели не были одеты в стерильную одежду, что создавало высокую вероятность инфекционных заболеваний.

3. Мнение Европейского Суда

133. Европейский Суд напоминает, что статья 3 Конвенции содержит гарантию одной из основных ценностей в демократическом обществе. Это содержит абсолютный запрет пыток, бесчеловечного и унижающего человеческого достоинства обращения и наказания, независимо от обстоятельств и поведения жертвы (см. Постановление Европейского Суда по делу "Лабита против Италии" (*Labita v. Italy*) от 6 апреля 2000 г., 119, Reports 2000-IV).

134. Далее Европейский Суд напоминает, что в соответствии с его прецедентной практикой бесчеловечное обращение должно достигать минимального уровня жестокости для того, чтобы попадать в сферу действия статьи 3 Конвенции. Оценка данного минимального уровня относительна; она зависит от всех обстоятельств дела, например, длительность такого обращения, его физические и психические последствия, а в ряде случаев пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. среди прочих Постановление Европейского Суда по делу "Ирландия против Соединенного Королевства" (*Ireland v. United Kingdom*) от 18 января 1978 г., § 162, Series A, N 25).

135. В контексте лишения свободы Европейский Суд постоянно подчеркивал, что для целей применения статьи 3 Конвенции имевшие место страдание и унижение должны

в любом случае превышать ту неизбежную составляющую страданий и унижений, связанных с пребыванием в заключении (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу "Тайпер против Соединенного Королевства" (Tyrer v. United Kingdom) от 25 апреля 1978 г., § 30, Series A, N 26, и Постановление Европейского Суда по делу "Зоринг против Соединенного Королевства" (Soering v. United Kingdom) от 7 июля 1989 г., § 100, Series A, N 161).

136. Европейский Суд часто сталкивается с жалобами на недостаточную и неадекватную медицинскую помощь в местах заключения под стражу. В исключительных случаях статья 3 Конвенции применима тогда, когда необходимо условное освобождение заключенного, который серьезно болен или является инвалидом. Так, в деле "Фарбтухс против Латвии" (Постановление Европейского Суда от 2 декабря 2004 г., жалоба N 4672/02) Европейский Суд пришел к выводу, что содержание под стражей являвшегося инвалидом 79-летнего заявителя нарушило требования статьи 3 Конвенции в связи с его "возрастом, бессилием и состоянием здоровья" (см. также решения Европейского Суда по делу "Папон против Франции (N 1)" (Paron v. France (no. 1)), жалоба N 64666/01, ECHR 2001-VI, и по делу "Приебке против Италии" (Priebke v. Italy) от 5 апреля 2001 г., жалоба N 48799/99).

137. Принимая решение о том, попадает ли или нет под действие статьи 3 Конвенции содержание под стражей, Европейский Суд учитывает различные факторы. Так, в деле "Муизель против Франции" (Mouisel v. France), (жалоба N 67263/01, § 40 - 42, ECHR 2002-IX) Европейский Суд исследовал такие составляющие дела, как (а) состояние здоровья заявителя, (б) адекватность медицинской помощи и ухода в условиях содержания под стражей и (с) целесообразность продолжения применения меры пресечения в виде заключения под стражу ввиду состояния здоровья заявителя. Данный подход впоследствии получил развитие в деле "Гелфман против Франции" (Gelfmann v. France) (Постановление Европейского Суда по делу от 14 декабря 2004 г., жалоба N 25875/03), где Европейский Суд принял во внимание среди прочих факторов состояние здоровья заявителя в динамике, возможность условного или досрочного освобождения серьезно больного заключенного в случае ухудшения состояния его здоровья и собственное отношение заявителя (а именно его постоянные отказы взаимодействовать с врачами). В делах "Хенаф против Франции" (Henaf v. France), (жалоба N 65436/01, § 49 et seq., ECHR 2003-XI), и "Музиль против Франции" (упоминалось выше) Европейский Суд проанализировал вопрос о том, было ли применение наручников в отношении серьезно больного заключенного или приковывание его к кровати оправдано интересами безопасности. Потенциальная "опасность" заявителя также принималась во внимание в деле "Саккопулос против Греции" (Sakkopoulos v. Greece), (Постановление Европейского Суда от 15 января 2004 г., жалоба N 61828/00) для принятия решения о том, было ли обосновано его дальнейшее содержание под стражей.

138. В большинстве дел, касавшихся содержания под стражей нездоровых людей, Европейским Судом рассматривался вопрос о том, оказывалась ли заявителю в месте заключения под стражу адекватная медицинская помощь. Европейский Суд напоминает в связи с этим, что даже если статья 3 Конвенции не наделяет заключенного правом на освобождение "из жалости", она всегда требует того, что здоровье и благополучие заключенных должны адекватно защищаться, в том числе посредством предоставления им необходимой медицинской помощи (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Кудла против Польши" (Kudla v. Poland), жалоба N 30210/96, § 94, ECHR 2000-XI; а также заключение Европейской Комиссии по делу "Хуртадо против Швейцарии" (Hurtado v. Switzerland) от 28 января 1994 г., § 79, Series A, N 280-A; постановления Европейского Суда по делу "Калашников против Российской Федерации" (Kalashnikov v. Russia), жалоба N 47095/99, § 95 и 100, ECHR 2002-VI <*>, и по делу "Худобин против Российской Федерации" (Khudobin v. Russia), жалоба N 59696/00, § 96, ECHR 2006-... (extracts)) <*>.

<*> Опубликовано в "Путеводителе по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 год".

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 11/2007.

139. "Адекватность" медицинской помощи по-прежнему является для оценки самой сложной составляющей. ЕКПП провозгласил принцип эквивалентности медицинской помощи в условиях содержания под стражей и в рамках общественно доступных учреждений (см. выше, раздел "Применимые международные инструменты"). Между тем Европейский Суд не всегда придерживается данного стандарта, по крайней мере, когда речь идет о медицинской помощи лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (в противопоставлении с лицами, заключенными под стражу до постановления приговора). Несколько раз Европейский Суд отмечал, что статья 3 Конвенции не может толковаться как гарантирующая каждому лицу, содержащемуся под стражей, медицинскую помощь на том же уровне, что и "в лучших общедоступных больницах" (см. Решение Европейского Суда по делу "Мирилашвили против Российской Федерации" (Mirilashvili v. Russia) от 10 июля 2007 г., жалоба N 6293/04). В деле "Гришин против Российской Федерации" (Grishin v. Russia) <*> Европейский Суд пошел дальше, указав: "готов признаться, что в принципе ресурсы медицинских учреждений пенитенциарной системы более ограничены по сравнению с возможностями общедоступных больниц" (Постановление Европейского Суда от 15 ноября 2007 г., жалоба N 30983/02).

<*> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 4/2008.

140. В целом Европейский Суд сохраняет достаточную гибкость при установлении необходимого стандарта медицинской помощи, определяя его в каждом конкретном деле. Данный стандарт должен быть "сопоставим с человеческим достоинством" заключенного, а также учитывать "практические требования условий содержания под стражей".

141. Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Европейский Суд отмечает, что заявитель жаловался на то, что его зрение существенно ухудшилось в следственном изоляторе. Действительно заявитель практически полностью ослеп на левый глаз, тогда как он был практически слеп на правый глаз в момент задержания. Однако, рассмотрев имевшиеся в его распоряжении материалы дела, Европейский Суд не может прийти к выводу о том, что ухудшение зрения заявителя произошло по вине властей или что его плохое зрение несовместимо с содержанием под стражей с позиции статьи 3 Конвенции.

142. Ситуация с иными показателями его здоровья, а именно СПИДом в сочетании с различными сопровождающими его болезнями и раком крови, вызывает большее беспокойство. Европейский Суд отмечает, что определенные факты сторонами не оспариваются. Во-первых, очевидно, что заявитель был и остается серьезно болен, что у него развивается СПИД и что в 2006 - 2008 годах он заболел некоторыми вторичными инфекционными заболеваниями и раком крови. По-видимому, стороны согласились в том, что заявитель испытывает страдания от его болезней и что состояние его здоровья ухудшилось с момента задержания.

143. Во-вторых, заявитель не оспаривает, что, находясь в следственном изоляторе, он получал лечение в его определенной базовой форме. В частности, он получил как от родственников, так и из аптеки следственного изолятора общеиспользуемые противовоспалительные и противовирусные лекарства и антисептики.

144. В-третьих, заявитель признал, что он отказывался сдать кровь на анализ после его задержания в апреле 2004 г. Тем не менее Европейский Суд считает, что данный факт

не имеет большого значения. Заявитель отказался от данного анализа до появления у него первых симптомов ВИЧ-инфекции. Европейский Суд полагает, что основным вопросом в данном деле является то лечение, которое получал заявитель после того, как была установлена у него положительная реакция на ВИЧ, в частности, начиная с сентября 2006 г. Первый вопрос, на который предстоит ответить в связи с этим, имел ли заявитель доступ к антиретровирусным препаратам.

(а) Доступ к антиретровирусным препаратам

145. Европейский Суд напоминает, что ВААРТ-терапия была впервые предписана заявителю в ноябре 2006 г. Врачи пришли к выводу, что заявитель мог содержаться в следственном изоляторе при условии его надлежащего лечения и регулярного наблюдения состояния его здоровья в специализированном медицинском учреждении. Несмотря на это из истории болезни заявителя явно не следует, что он проходил ВААРТ терапию в первой половине 2007 г.

146. Далее Европейский Суд отмечает, что только в июле 2007 г. заявитель подписал согласие на прохождение ВААРТ-терапии. Как явно следует из замечаний сторон, данное согласие являлось необходимым условием для начала ВААРТ-терапии. Информация, указывающая на отказ заявителя от какого-либо лечения до июля 2007 г., отсутствует. Европейский Суд приходит к выводу, что прохождение ВААРТ-терапии не предлагалось заявителю в период с ноября 2006 г., когда она была предписана заявителю, по июнь 2007 г.

147. Что касается последующего периода, Европейский Суд отмечает, что история болезни заявителя и официальные заключения, представленные властями Российской Федерации, свидетельствуют о том, что заявитель несколько раз отказывался "от обследования", "инъекций" и "лечения" (первая подобная запись датирована 15 июня 2007 г.). Тем не менее в названных документах не конкретизировано, какое именно лечение предлагалось заявителю, и какие обследования он должен был пройти. Европейский Суд напоминает, что руководство следственного изолятора должно было фиксировать сведения о состоянии здоровья заявителя и лечении, полученном им в период содержания под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу "Худобин против Российской Федерации" (*Khudobin v. Russia*), жалоба N 59696/00, § 83, ECHR 2006-... (извлечения)). Рассуждая логически, такая история болезни должна содержать достаточные сведения, конкретизирующие вид лечения, который был предписан заявителю, лечение, которое ему фактически оказывалось, информацию о лице, осуществлявшем лечение, и времени лечения, а также о том, как осуществлялось наблюдение за состоянием здоровья заявителя и т.д. (см. 3-й Общий доклад ИКПП, извлечения из которого приведены выше, в разделе "Применимые международные инструменты"). В том случае, если история болезни не конкретизирует названные вопросы (как в указанном выше деле), Европейский Суд может сделать некоторые выводы. Более того, Европейский Суд отмечает, что в сентябре 2007 г. следователь рекомендовал администрации следственного изолятора обеспечить проведение медицинского обследования заявителя и предоставить заявителю ВААРТ. В данных обстоятельствах Европейский Суд приходит к выводу о том, что, по всей вероятности, заявитель не получал ВААРТ-препаратов из аптеки следственного изолятора.

148. Данный вывод тем не менее не имеет решающего значения. Во-первых, Европейский Суд не считает, что в данных обстоятельствах у властей Российской Федерации было безусловное обязательство оказать ВААРТ-лечение заявителю бесплатно. Европейский Суд осведомлен о том обстоятельстве, что современные антиретровирусные препараты остаются дорогостоящими (см., *mutatis mutandis* <*>, решение Европейской Комиссии по делу "Карара против Финляндии" (*Karara v. Finland*) от 29 мая 1998 г., жалоба N 40900/98; а также решения Европейского Суда по делу "Эс.Си.Си. против Швеции" (*S.C.C. v. Sweden*) от 15 февраля 2000 г., жалоба N 46553/99, и по делу "Арсила Хенао против Нидерландов" (*Arcila Henaо v. Netherlands*) от 24 июня

2003 г., жалоба N 13669/03). Европейский Суд ссылается на свои выводы, сделанные в одном из недавно рассмотренных дел "Н. против Соединенного Королевства" (N. v. United Kingdom), (Постановление Большой Палаты от 27 мая 2008 г., жалоба N 26565/05, § 44), когда он признал, что "развитие медицинской науки в совокупности с существующими социальными и экономическими различиями между государствами влекут за собой то, что уровень медицинского лечения, доступный в Договариваемом Государстве и в стране происхождения может существенно отличаться". Названное дело касалось предоставления бесплатной медицинской помощи иностранному гражданину, больному СПИДом. По мнению Европейского Суда, в общих чертах тот же принцип применим к области предоставления медицинской помощи лицам, содержащимся под стражей: Договариваемые Государства обязаны предоставлять любую медицинскую помощь, которую могут позволить с учетом своих возможностей.

<*> Mutatis mutandis (лат.) - с соответствующими изменениями (прим. переводчика).

149. Во-вторых, как следует из истории болезни заявителя, он не зависел от аптеки и мог получать необходимые препараты от родственников. Заявитель не говорил о том, что, добывая данные лекарства, он или его родственники несли чрезмерные траты (см. для сравнения Решение Европейского Суда по делу "Мирилашвили против Российской Федерации" (Mirilashvili v. Russia) от 10 июля 2007 г., жалоба N 6293/04 <*>, и Постановление Европейского Суда по делу "Хамматов против Азербайджана" (Hummatov v. Azerbaijan) от 29 ноября 2007 г., жалобы N 9852/03 и 13413/04). При данных обстоятельствах Европейский Суд готов признать, что отсутствие антиретровирусных препаратов в аптеке следственного изолятора само по себе противоречит требованиям статьи 3 Конвенции.

<*> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 2/2008.

150. Тем не менее Европейский Суд отмечает, что жалоба заявителя касается не столько вопросов, связанных с доступом к необходимым лекарствам, сколько отказа властей Российской Федерации поместить его в специализированную клинику. Европейский Суд признает, что сложное лекарственное лечение часто требует постоянного наблюдения со стороны специалистов, а прием лекарств при отсутствии такого наблюдения может причинить больше вреда, чем принести пользы. Как следует из официальных заключений, представленных властями Российской Федерации, заявитель настаивал на том, чтобы его поместили в специализированную больницу с целью прохождения ВААРТ-терапии. Следовательно, следующим вопросом, на который необходимо ответить, являлось ли его требование обоснованным или, как предполагают власти Российской Федерации, просто претензией.

(b) Доступ к помощи врачей-специалистов

151. Европейский Суд желает напомнить определенные обстоятельства, которые, по его мнению, принципиальны для понимания ситуации заявителя. Из замечаний властей Российской Федерации следует, что медицинская часть следственного изолятора оборудована и оснащена для лечения широкого перечня заболеваний, в частности тех, которые преобладают у лиц, пребывающих в учреждениях уголовно-исполнительной системы, как, например, туберкулез. Однако очевидно, что в медицинской части не было отделения, специализирующегося на лечении СПИДа. Европейский Суд отмечает, что один из врачей медицинской части следственного изолятора прошел обучение в области диагностики ВИЧ-инфекции. Тем не менее нет подтверждения того, что данное обучение касалось проведения антиретровирусной терапии. Более того, нет информации,

подтверждающей то, что в медицинской части следственного изолятора проводилась ВААРТ-терапия и что медицинский персонал медчасти имел необходимый опыт и практический навык для ее проведения.

152. Европейский Суд отмечает, что помимо иных отделений в медицинской части следственного изолятора было инфекционное отделение, куда заявитель был помещен в октябре 2007 г. В соответствии с приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации N 170 (см. выше, раздел "Применимое национальное законодательство" настоящего Постановления) при отсутствии доступа к специализированной больнице пациент, больной СПИДом, может быть помещен в больницу, специализирующуюся на инфекционных заболеваниях. Текст приказа свидетельствует о том, что даже в национальных рамках больница, специализирующаяся на инфекционных заболеваниях, не рассматривается как "специализированная больница" для лечения СПИДа: это замена в том случае, если специализированная больница недоступна.

153. Далее Европейский Суд отмечает, что 23 октября 2007 г. проведено обследование заявителя в Московском городском центре профилактики и борьбы со СПИДом, который, бесспорно, представляет собой "специализированную больницу". Врачи пришли к выводу о том, что заявитель должен пройти дальнейшее стационарное обследование и лечение в указанном центре. 26 октября 2007 г. заявитель был помещен в медицинскую часть следственного изолятора. Спустя пять дней следователь по уголовному делу в отношении заявителя принял решение о том, что лечение заявителя не могло осуществляться в условиях следственного изолятора, и обратился в суд с ходатайством об избрании в отношении заявителя залога. Но спустя 10 дней следователь поменял решение и отказал в удовлетворении ходатайства об избрании залога. История болезни заявителя не подтверждает то, что в период с 31 октября по 9 ноября 2007 г. заявитель вновь проходил какое-либо обследование, результаты которого опровергли бы выводы, сделанные ранее. Если и существует какое-либо объяснение неожиданной перемене позиции следователя, оно не имеет отношения к медицинским потребностям заявителя.

154. Действительно, в следующие недели заявитель отказался от обследования врачами следственного изолятора. Европейский Суд признает, что в определенных обстоятельствах отказ от обследования или лечения может свидетельствовать о том, что состояние здоровья заявителя не настолько критичное, как он утверждает (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гельфман против Франции", § 56). Тем не менее, принимая во внимание обстоятельства данного дела, отношение заявителя понятно. Несмотря на существенное ухудшение состояния здоровья заявителя и на недвусмысленные рекомендации врачей о переводе заявителя в специализированную клинику за пределами следственного изолятора, он остался в следственном изоляторе. Более того, врачи следственного изолятора подтвердили, что заявитель в состоянии выдержать дальнейшее пребывание под стражей и мог принимать участие в следственных действиях (см. постановление Басманного районного суда города Москвы от 15 ноября 2007 г.), несмотря на тот факт, что (а) наиболее позднее медицинское обследование пришло к противоположному выводу, и (b) безотносительно причины с тех самых пор в отношении заявителя не проводилось более никакого комплексного обследования.

155. 21 декабря 2007 г. Европейский Суд, рассмотрев представленные в его распоряжение доказательства, решил добыть больше информации о состоянии здоровья заявителя. В соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда он отметил, что власти Российской Федерации и заявитель должны сформировать медицинскую комиссию, включающую представителей обеих сторон, которой предстояло представить ответы на ряд вопросов, сформулированных Европейским Судом. Власти Российской Федерации ответили, что создание такой комиссии будет противоречить национальному законодательству. Тем не менее они не привели ни одной нормы закона, которая бы

запрещала обследование пациента комиссией со смешанным составом, включающей в себя врачей по его усмотрению. Далее Европейский Суд отмечает, что состояние здоровья заявителя несколько раз изучалось комиссиями, состоящими из представителей различных медицинских учреждений. В любом случае государство "не должно лишать возможности получить медицинскую помощь из иных источников, например, от семейного врача или иных квалифицированных врачей" (см. Постановление Европейского Суда по делу "Сарбан против Молдовы" (Sarban v. Moldova) от 4 октября 2005 г., жалоба N 3456/05, § 82). В данных обстоятельствах Европейский Суд полагает, что отказ властей Российской Федерации сформировать смешанную медицинскую комиссию являлся произвольным. Следовательно, Европейский Суд приходит к неблагоприятному выводу, принимая во внимание отказ властей Российской Федерации реализовать предварительную меру.

156. Подводя итог, Европейский Суд приходит к выводу, что, по самым скромным подсчетам, с конца октября 2007 г. состояние здоровья заявителя требовало того, чтобы он был помещен в специализированную больницу для лечения СПИДа. Медицинская часть следственного изолятора не являлась надлежащим учреждением для данных целей.

157. Наконец, Европейский Суд отмечает, что он не выявил каких-либо серьезных практических препятствий для незамедлительного помещения заявителя в специализированное медицинское учреждение. Таким образом, Московский городской центр профилактики и борьбы со СПИДом (учреждение, которое наиболее вероятно было бы местом лечения заявителя в случае его перевода из медицинской части следственного изолятора) находился в том же городе и был готов принять заявителя на стационарное лечение. По-видимому, заявитель мог принять на себя большую часть расходов на лечение. Более того, учитывая состояние здоровья заявителя и его предшествующее поведение, Европейский Суд полагает, что угрозы, которые заявитель в рассматриваемый период мог (если в принципе мог) представлять для безопасности, были ничтожны по сравнению с угрозами его здоровью (см. Постановление Европейского Суда по делу "Муизель против Франции" (Mouisel v. France), жалоба N 67263/01, § 47, ECHR 2002-IX). В любом случае мероприятия по обеспечению безопасности, организованные администрацией следственного изолятора в больнице N 60, не кажутся очень сложными.

158. В конечном счете Европейский Суд полагает, что национальные власти не оказали достаточную заботу о здоровье заявителя с целью обеспечения того, чтобы он не подвергнулся обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, по крайней мере до перевода его в гематологическую больницу за пределы следственного изолятора 8 февраля 2008 г. Это привело к страданиям, которые, помимо прочего, неизбежно ассоциируются с пребыванием в следственном изоляторе и болезнью, что представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение статьи 5 Конвенции

159. Заявитель утверждал, что доводы, на которых суды основывали свои решения о заключении заявителя под стражу и о продлении срока содержания его под стражей, были лишены фактических оснований и, следовательно, являлись произвольными; суды не удостоверились в том, имелись ли основания для избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. В части, применимой в настоящем деле, статья 5 Конвенции, на которую ссылается заявитель, предусматривает:

"1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в

совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным".

А. Приемлемость жалобы

В свете доводов сторон Европейский Суд полагает, что данная жалоба затрагивает серьезные вопросы фактического и правового характера в соответствии с Конвенцией, разрешение которых требует рассмотрения жалобы по существу. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу о том, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Иных оснований для объявления ее неприемлемой не установлено.

В. Существо жалобы

1. Доводы властей Российской Федерации

160. Власти Российской Федерации утверждали, что содержание заявителя под стражей было законным и обоснованным. Что касается применения к нему возможных послаблений по состоянию здоровья, они утверждали, что Постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г., на которое ссылается сторона защиты, неприменимо в ситуации заявителя. Названное Постановление Правительства Российской Федерации устанавливает перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания. Заявитель при этом не был осужден. Следовательно, на этапе производства по уголовному делу в отношении заявителя названное Постановление неприменимо. Более того, его врачи всегда подтверждали, что заявитель способен принимать участие в следственных действиях и судебных заседаниях.

161. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель был помещен под стражу на основании "разумного подозрения", существовавшего в отношении него. Они сослались на свидетельские показания и документы, имевшиеся в материалах уголовного дела, которые, по их мнению, обосновывали данное подозрение. Они также отметили, что уголовное преследование заявителя было санкционировано постановлением судьи Симоновского районного суда г. Москвы от 6 апреля 2006 г., что соответствует требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

162. Что касается решения о продлении срока содержания заявителя под стражей, то оно принято на основании данных, полученных органами прокуратуры из Министерства внутренних дел Российской Федерации. В соответствии с информацией, полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий, заявитель планировал покинуть территорию Российской Федерации. Данная информация легла в основу ходатайства стороны обвинения от 2 июня 2006 г. о продлении срока содержания заявителя под стражей. В судебном заседании от 2 июня 2006 г. сторона защиты утверждала, что по сути информация получена в нарушение требований закона. Тем не менее суд был лишен возможности исследовать данную сторону вопроса. В противном случае судом была бы дана оценка доказательствам и решен вопрос о виновности заявителя, что не составляло

его задачу на данном этапе производства по делу. Вместо этого районный суд указал, что сторона защиты вправе обжаловать решение о производстве оперативно-розыскных мероприятий в рамках отдельного разбирательства. Заявитель, являясь юристом по профессии, должен был бы знать о данном средстве правовой защиты, доступном ему.

163. Власти Российской Федерации утверждали, что продолжительное содержание заявителя под стражей обосновывалось "тяжестью предъявленных ему обвинений, сведениями, характеризующими личность заявителя и его профессиональное занятие, с учетом информации, имевшейся в распоряжении российских судов, а также принимая во внимание достаточные основания полагать, что в случае пребывания на свободе заявитель мог скрыться от органов следствия и суда, воспрепятствовать надлежащему отправлению правосудия, предприняв меры по уничтожению доказательств, оказать давление на свидетелей и потерпевших, а также вступить в контакт с другими обвиняемыми, скрывавшимися от органов правосудия". Данные выводы были сделаны на основании следующей информации:

- полученного Министерством внутренних дел Российской Федерации сообщения о том, что заявитель намерен покинуть Россию;
- показаний ряда свидетелей, в том числе обвиняемых заявителя;
- показаний свидетельницы М., которая являлась представителем одного из акционеров компании "Томскнефть ВНК". Она пояснила, что заявитель высказывал в ее адрес угрозы в связи с ее профессиональной деятельностью, направленной на защиту интересов миноритариев "ЮКОСа".

Национальные суды также дали оценку иным факторам, например, возрасту заявителя, состоянию его здоровья и семейному положению. Тем не менее данные соображения были превзойдены иными сведениями о заявителе, приведшими к выводам судов двух инстанций о необходимости заключения заявителя под стражу.

164. Власти Российской Федерации утверждали, что срок содержания заявителя под стражей не превысил срока предварительного следствия по делу. Досудебное производство по делу проведено "с особыми усердием", без задержек и "волокиты". Уголовное дело в отношении заявителя отличалось особой сложностью. Значительное время потрачено на установление местонахождения и изъятие необходимых документов - доказательств по делу, а также поиск экспертов в различных областях, которым затем предстояло изучить огромное количество финансово-экономической документации. Должно быть допрошено значительное количество свидетелей.

165. Далее власти Российской Федерации отметили, что заявитель никогда не обжаловал в судебном порядке вопросы, связанные с затягиванием производства по делу. Никогда не обращался он и в суд с гражданско-правовым иском о возмещении ущерба в связи с длительным производством по делу. Власти Российской Федерации сослались на статью 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающую компенсацию морального вреда, причиненного в результате незаконных действий или бездействия государственных органов и их должностных лиц.

166. Далее власти Российской Федерации утверждали, что сторона защиты пользовалась всеми процессуальными гарантиями в ходе рассмотрения судом вопроса о заключении заявителя под стражу. Власти Российской Федерации ссылались на протоколы соответствующих судебных заседаний. Суд кассационной инстанции исследовал все значимые вопросы, касающиеся законности содержания заявителя под стражей. Власти Российской Федерации повторили, что национальные суды были лишены возможности оценить доказательства по делу, на которые ссылалась сторона обвинения, поскольку это бы представляло собой решение вопроса о виновности или невиновности заявителя.

167. Что касается решения от 2 ноября 2007 г., власти Российской Федерации утверждали, что национальные суды не обладали полномочиями по освобождению

заявителя. Согласно статье 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации по решению суда могут быть применены следующие меры пресечения: заключение под стражу, домашний арест и залог. Менее строгие меры пресечения (например, подписка о невыезде) применяются по постановлению следователя или суда. Тем не менее если мера пресечения применена на основании совместного решения следователя и прокурора, она могла быть отменена только с согласия обоих. Поскольку прокурор возражал в судебном заседании против освобождения заявителя, суд сохранил избранную меру пресечения в виде заключения под стражу.

2. Доводы заявителя

168. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей противоречило требованиям законодательства Российской Федерации. У него имелись по крайней мере три заболевания, которые препятствовали помещению его под стражу в соответствии с "Перечнем заболеваний, препятствующих отбыванию наказания" (см. выше, раздел "Применимое национальное законодательство" настоящего Постановления). Довод властей Российской Федерации о том, что названный нормативный правовой акт Российской Федерации применим только к лицам, которым назначено судом наказание, противоречит здравому смыслу. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в одном из рассмотренных им дел, при решении вопросы об избрании в отношении подозреваемого по уголовному делу меры пресечения в виде заключения под стражу суды Российской Федерации должны применять данную меру только в том случае, если в случае осуждения лицо понесет реальное наказание. Таким образом, заключение под стражу лица, подлежащего оставлению на свободе по постановлению приговора, бессмысленно. Далее заявитель отметил, что заключение его под стражу после 2 марта 2008 г. было незаконным. Последнее возможное продление срока содержания его под стражей, состоявшееся 6 февраля 2008 г., истекло 2 марта 2008 г. В тот же день он обратился с соответствующим ходатайством о незамедлительном освобождении к должностному лицу следственного изолятора, однако оно было отклонено.

169. Более того, заявитель утверждал об отсутствии "разумного подозрения" в отношении него, которое бы обосновывало помещение его под стражу. У заявителя отсутствовала правоспособность для совершения первого вменяемого ему в вину преступления. Что касается второго преступления, обвинение в совершении его ему было предъявлено только спустя несколько лет после того, как оно было предположительно совершено. Обвинения в отношении заявителя произошли из материалов следствия, которое продолжалось более шести лет. В любом случае суды никогда не оценивали доказательств, свидетельствующих против него, однако просто воспроизводили доводы, указанные стороной обвинения в ходатайстве о заключении заявителя под стражу. Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации суды не должны рассматривать вопрос о том, существуют ли какие-либо факты или доказательства, дающие основания для возникновения "разумного подозрения" в том, что обвиняемым было совершено преступление.

170. Далее заявитель утверждает, что даже в случае принятия версии изложения событий стороны обвинения, изложенной в их ходатайстве об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, факты, на которые они ссылались, не убедили бы "разумного наблюдателя" в том, что заявитель был причастен к вменяемым ему в вину деяниям.

171. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей не соответствовало пункту 3 статьи 5 Конвенции в том, что основания заключения под стражу, названные национальными судами, были абстрактными и шаблонными, основанными на неподтвержденных доводах, опровергнутыми убедительными доказательствами против заключения под стражу, а также в том, что не рассматривалась никакая альтернатива

заклучению под стражу. Заявитель всегда сотрудничал со следственными органами, а также являлся по вызову в судебное заседание; органы внутренних дел отказались конкретизировать и предоставить заключение, которое предположительно подтверждало его намерение покинуть территорию Российской Федерации.

172. Заявитель также отметил, что российское законодательство устанавливает максимальный срок содержания под стражей в период предварительного расследования, тем не менее оно не определяет срок содержания под стражей в период ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Дело было сформировано для направления в суде в декабре 2006 г., но заявитель почти ослеп и, следовательно, необходимо было зачитывать ему материалы уголовного дела. Начиная с октября 2007 г. состояние здоровья заявителя ухудшилось настолько, что он однозначно не имел возможности продлить работу с материалами уголовного дела. В результате заявитель остался в ловушке "коллизии законодательства", позволявшей продление срока содержания его под стражей неоднократно и без ограничения.

173. Ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, заявитель утверждал, что судами не рассматривался вопрос законности его заключения под стражу. Власти Российской Федерации признали, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает запрет для судов рассматривать дело по существу или оценивать допустимость доказательств. Более того, как отмечает заявитель, в период между судебными решениями о продлении срока содержания заявителя под стражей в его распоряжении отсутствовало средство судебной защиты, которым он мог бы воспользоваться с целью оценки законности его содержания под стражей. Когда здоровье заявителя резко ухудшилось в октябре 2007 г., суд указал, что решение вопроса освобождения заявителя из-под стражи относится к исключительным полномочиям следователя.

174. Наконец, заявитель утверждал, что он был лишен свободы по основаниям, не соответствующим требованиям статьи 5 Конвенции, и, соответственно, что была нарушена статья 18 Конвенции. Он утверждал, что власти Российской Федерации приняли решение о заключении его под стражу с целью воспрепятствовать законным управляющим "ЮКОСа" восстановить контроль над компанией. Впоследствии власти попытались оказать на заявителя давление с целью принудить его дать ложные показания в отношении топ-менеджеров компании.

175. Европейский Суд полагает, что в свете доводов сторон данная жалоба затрагивает серьезные вопросы фактического и правового характера в соответствии с Конвенцией, разрешение которых требует рассмотрение жалобы по существу. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Иных оснований для объявления ее приемлемой не установлено.

3. Мнение Европейского Суда

176. Европейский Суд отмечает, что в своей первоначальной жалобе и последующих замечаниях заявитель утверждал, что заключение его под стражу противоречило требованиям статьи 5 Конвенции по нескольким критериям: оно было незаконно, необоснованно и чрезмерно длительным. Рассмотрев его доводы, Европейский Суд не считает необходимым тщательно изучать их все; вместо этого Европейский Суд сконцентрируется на рассмотрении третьего довода, предполагающего, что длящееся содержание заявителя под стражей превышало требование о "разумном сроке", предусмотренное пунктом 3 статьи 5 Конвенции.

(a) Общие принципы

177. Европейский Суд напоминает, что вопрос о том, отвечал ли период содержания под стражей требованию разумности, не может оцениваться абстрактно. Лицо, которому предъявлено обвинение в совершении преступления, всегда должно находиться на свободе в период досудебного расследования, если только национальные власти не докажут, что существуют "уместные и достаточные" основания его длительного содержания под стражей (см. как классический прецедент Постановление Европейского Суда по делу "Вемхофф против Германии" (*Wemhoff v. Germany*) от 27 июня 1968 г., § 12, Series A, N 7, и Постановление Европейского Суда по делу "Ягчи и Саргын против Турции" (*Yagci and Sargin v. Turkey*) от 8 июня 1995 г., § 52, Series A, N 319-A). Постоянное наличие разумного подозрения в том, что лицо, заключенное под стражу, совершило преступление, является непереносимым условием того, чтобы содержание под стражей считалось законным по смыслу подпункта "с" пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. среди прочих Постановление Европейского Суда по делу "В. против Швейцарии" (*W. v. Switzerland*) от 26 января 1993 г., § 30, Series A, N 254-A). Тем не менее по прошествии определенного времени данное основание более не действует. В таком случае Европейский Суд должен установить, могут ли иные доводы, предлагаемые судебными властями, обосновать лишение свободы.

178. В прецедентной практике Европейского Суда сформировались четыре основных приемлемых основания отказа в залоге: вероятность того, что обвиняемый не явится в суд (см. Постановление Европейского Суда по делу "Стегмюллер против Австрии" (*Stogmuller v. Austria*) от 10 ноября 1969 г., § 15, Series A, N 9), вероятность того, что обвиняемый в случае пребывания на свободе, предпримет действия, чтобы воспрепятствовать отправлению правосудия (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Вемхофф против Германии", § 14), продолжит преступную деятельность (см. Постановление Европейского Суда по делу "Матцнеттер против Австрии" (*Matznetter v. Austria*) от 10 ноября 1969 г., Series A, N 10) или будет нарушать общественный порядок (см. Постановление Европейского Суда по делу "Летеллье против Франции" (*Letellier v. France*) от 26 июня 1991 г., § 51, Series A, N 207).

179. Более того, Европейский Суд напоминает, что переложение бремени доказывания в вопросах содержания под стражей на лицо, находящееся под стражей, равносильно нарушению правила статьи 5 Конвенции, нормы, которая предусматривает, что содержание под стражей является исключительным отклонением от права на свободу и допустимо только в строго определенных случаях, перечень которых исчерпывающий (см. Постановление Европейского Суда по делу "Рохлина против Российской Федерации" (*Rokhlina v. Russia*) от 7 апреля 2005 г., жалоба N 54071/00, § 67 <*>, и Постановление Европейского Суда по делу "Илийков против Болгарии" (*Ilijkov v. Bulgaria*) от 26 июля 2001 г., жалоба N 33977/96, § 84 - 85). Национальные судебные власти должны оценить все факты в пользу или против существования реального требования соблюдения общественного интереса, обосновывающего, в том числе с должным вниманием к принципу презумпции невиновности, нарушение правила уважения личной свободы и указать их в своем решении. Доводы в пользу или против освобождения не должны быть "общими и абстрактными" (см. Постановление Европейского Суда по делу "Клуз против Бельгии" (*Clooth v. Belgium*) от 12 декабря 1991 г., § 44, Series A, N 225), однако должны содержать ссылки на конкретные факты и обстоятельства личного характера в отношении заявителя, обосновывающие его содержание под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу "Панченко против Российской Федерации" (*Panchenko v. Russia*) от 8 февраля 2005 г., жалоба N 45100/98, § 107 <***>).

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 6/2006.

<***> Там же. N 9/2005.

180. Наконец, Европейский Суд подчеркивает, что при решении вопроса о том, подлежит ли лицо освобождению или заключению под стражу, национальные власти обязаны в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции рассмотреть возможность применения альтернативных мер пресечения для обеспечения его или ее явки в суд (см. Постановления Европейского Суда по делу "Сулаоя против Эстонии" (Sulaoja v. Estonia) от 15 февраля 2005 г., жалоба N 55939/00, § 64, и по делу "Яблонский против Польши" (Jablonski v. Poland) от 21 декабря 2000 г., жалоба N 33492/96, § 83).

(b) Применение в настоящем деле

181. Европейский Суд отмечает, что 6 апреля 2006 г. в отношении заявителя избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. С тех пор он находится под стражей. Следовательно, период, подлежащий рассмотрению, составляет два года и восемь месяцев. Такое длительное пребывание под стражей в период предварительного следствия является предметом рассмотрения Судом (см. Постановление Европейского Суда по делу "Говорушко против Российской Федерации" (Govorushko v. Russia) от 25 октября 2007 г., жалоба N 42940/06, § 45 <*>). Европейский Суд напоминает, что власти Российской Федерации должны были назвать весомые основания для того, чтобы содержать заявителя под стражей на протяжении столь длительного времени (см. Постановление Европейского Суда по делу "Корчуганова против Российской Федерации" (Korchuganova v. Russia) от 8 июня 2006 г., жалоба N 75039/01, § 71 <*>).

<*> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 4/2008.

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 11/2006.

182. Европейский Суд отмечает, что изначально заключение заявителя под стражу обосновывалось двумя причинами: вероятностью того, что заявитель воспрепятствует осуществлению правосудия и скроется от органов следствия и суда. Начиная с 23 августа 2006 г. суды ссылались также на вероятность того, что заявитель продолжит преступную деятельность. Европейский Суд в связи с этим напоминает, что национальные власти не могут обосновывать длительное заключение просто ссылками на существующую указанную вероятность; они должны приводить конкретные факты из поведения заявителя, его личные обстоятельства и т.д. (см. Постановление Европейского Суда по делу "Власов против Российской Федерации" (Vlasov v. Russia) от 12 июня 2008 г., жалоба N 78146/01, § 108 <*>).

<*> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 2/2009.

183. В данном деле национальные суды ссылались на следующие обстоятельства в подтверждение своих выводов: (а) жесткость наказания, (б) "личность" заявителя, (с) его связи за рубежом; (d) результаты обыска в его жилище, (е) "оперативная информация" Министерства внутренних дел Российской Федерации о том, что заявитель готовился покинуть Российскую Федерацию и вступал в контакт с некоторыми из обвиняемых, (f) его профессия, (g) документ, изъятый в офисе Д.Г. под названием "Итоговый анализ..." и (h) обстоятельства задержания заявителя. Более того, власти Российской Федерации в своих замечаниях ссылались на показания свидетелей, личности которых не раскрывались, и М., в адрес которых, как утверждают власти Российской Федерации, поступали ранее угрозы от заявителя. Тем не менее Европейский Суд отмечает, что национальные суды не ссылались на данные показания. Европейский Суд напоминает, что

именно на основании доводов, названных национальными судами, и достоверных фактов, указанных заявителем в своих жалобах, Европейский Суд призван решить, имело ли место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делу "Корчуганова против Российской Федерации", § 72; и по делу "Илийков против Болгарии", § 86; и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Лабита против Италии" (Labita v. Italy), жалоба N 26772/95, § 152, ECHR 2000-IV). Поскольку национальные суды в отличие от властей Российской Федерации не ссылались на свидетельские показания, Европейский Суд не будет их учитывать, анализируя вопрос о нарушении пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Панченко против Российской Федерации", § 105).

184. Сначала Европейский Суд отмечает, что национальные суды не пытались связать какие-либо из названных фактических обстоятельств с конкретными рисками, на которые они ссылались в обоснование заключения заявителя под стражу. Следовательно, Европейский Суд не усматривает, каким образом любые из названных обстоятельств могли бы подтвердить вероятность продолжения преступной деятельности, о которой утверждали власти Российской Федерации начиная с 23 августа 2006 г. Европейский Суд указывает, что обвинения, предъявленные заявителю, касаются периода 1998 - 1999 (незаконное присвоение доли в имуществе организации) и 2000 - 2002 гг. (уклонение от уплаты налога на доходы физического лица). Учитывая, что деяния, инкриминируемые заявителю, предположительно были совершены им в то время, когда он находился в должности начальника правового управления "ЮКОСа", которую он замещал до 2003 г., вызывает сомнение то, что заявитель мог бы продолжать заниматься преступной деятельностью в 2006 - 2007 гг., особенно после 29 марта 2006 г., когда судом был назначен управляющий "ЮКОСа" в рамках процедуры банкротства.

185. Еще одним основанием заключения заявителя под стражу явились выводы властей Российской Федерации относительно того, что заявитель мог скрыться от органов следствия и суда или воспрепятствовать осуществлению правосудия. В подтверждение данного вывода суды сослались в первую очередь на суровость подлежащей возложению ответственности. Европейский Суд допускает, что названное является одним из критериев, подлежащих рассмотрению при оценке вероятности того, что заявитель скроется. Тем не менее Европейский Суд неоднократно отмечал, что тяжесть инкриминируемого деяния сама по себе не может служить обоснованием длительного периода содержания под стражей, а также предвосхищать наказание, связанное с лишением свободы (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Панченко против Российской Федерации", § 102; Постановление Европейского Суда по делу "Горал против Польши" (Goral v. Poland) от 30 октября 2003 г., жалоба N 38654/97, § 68; и Постановление Европейского Суда по делу "Белевицкий против Российской Федерации" (Belevitskiy v. Russia) от 1 марта 2007 г., жалоба N 72967/01, § 101 <*>).

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 8/2007.

186. Более того, национальные суды не конкретизировали, что ими понимается под "личностью" заявителя. Ссылка на "зарубежные связи" заявителя не подтверждена конкретными фактами. Факты относительно положения заявителя, упоминавшиеся в судебных решениях (в частности, что у заявителя была работа, он постоянно проживал в г. Москве, воспитывал малолетнего сына), говорили, скорее, в пользу освобождения заявителя из-под стражи, нежели об обратном.

187. Помимо этого, национальные суды не пояснили, какие доказательства были обнаружены при проведении обыска и каким образом они подтверждали то обстоятельство, что заявитель был готов скрыться или воспрепятствовать осуществлению правосудия. Не уточнили суды и какие "оперативные мероприятия" проводились в

отношении заявителя, какова цель их проведения, способ и, что самое главное, конкретные результаты.

188. В отношении профессионального статуса заявителя, даже предположив, что он имеет значение, Европейский Суд отмечает, что властям Российской Федерации он был известен с самого начала расследования уголовного дела в 2004 году. Тем не менее они не считали необходимым избирать в отношении заявителя меру пресечения в виде заключения под стражу до 2006 года. То же касается и документов, обнаруженных в офисе г-на Д.Г. в 2004 году, которые предположительно подтверждали намерение заявителя оказать давление на должностных лиц правоохранительных органов.

189. Наконец, тот факт, что заявитель находился в момент задержания в квартире своей подруги, не свидетельствует о том, что он скрылся для того, чтобы спрятаться. Формально он не обязан ни находиться у себя дома постоянно, ни информировать власти о своем местонахождении. То же касается и его неявки в судебное заседание, состоявшееся 6 апреля 2006 г., в котором принимал участие его адвокат. Заявитель участвовал в подавляющем большинстве судебных заседаний по делу, в том числе в том, которое состоялось 5 апреля 2006 г. Он не обязан был лично являться в судебное заседание 6 апреля 2006 г., когда судом было принято решение, санкционирующее возбуждение уголовного дела в отношении него.

190. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что каждый из названных выше доводов, рассмотренный отдельно, подвергается критике. Тем не менее Европейский Суд готов признать, что совокупность указанных доводов может обосновать первоначальное задержание заявителя и содержание его под стражей на протяжении некоторого времени, по крайней мере на спорных основаниях. Между тем возникает вопрос о том, являются ли доводы, названные судами, достаточными для того, чтобы обосновать весь период пребывания заявителя под стражей.

191. Европейский Суд напоминает свой указанный выше вывод, согласно которому вероятность продолжения занятия преступной деятельностью не была достоверно подтверждена национальными судами ни на каком этапе. Что касается предполагаемой опасности того, что заявитель воспрепятствовал бы установлению истины по делу, "по прошествии времени данный довод становится все менее и менее уместным" (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Панченко против Российской Федерации", § 103; а также Постановления Европейского Суда по делу "Мюллер против Франции" (*Muller v. France*) от 17 марта 1997 г., § 40, Reports 1997-II; и по делу "Дебуб эльяс Хуссейни Али против Франции" (*Debboub alias Husseini Ali v. France*) от 9 ноября 1999 г., жалоба N 37786/97, § 44). В связи с этим Европейский Суд напоминает, что предварительное следствие по уголовному делу в отношении заявителя было окончено 12 декабря 2006 г. Следовательно, к концу 2006 г. все свидетели были допрошены, материалы собраны, экспертизы проведены. Более того, после 29 марта 2006 г. компания находилась под контролем временного управляющего, а затем, после 4 августа 2006 г. - конкурсного управляющего, с которым заявитель в принципе никак не был связан. Европейский Суд полагает, что к концу 2006 г. способность заявителя оказать давление на свидетелей, уничтожить документальные доказательства или вступить в преступный сговор в принципе не существовала.

192. Что касается вероятности скрыться, Европейский Суд отмечает, что с течением времени данная вероятность перестала существовать, учитывая сомнительное состояние здоровья заявителя. 15 сентября 2006 г. у заявителя была обнаружена положительная реакция на ВИЧ. 22 ноября 2006 г. отметили ухудшение состояния здоровья заявителя и рекомендовали пройти ему ВААРТ. Европейский Суд напоминает о своих выводах в отношении статьи 3 Конвенции, в частности о том, что данный вид лечения требует постоянного пребывания пациента под наблюдением врачей специализированного медицинского учреждения, а также о том, что при отказе от данного лечения здоровье или даже жизнь заявителя подвергнутся серьезной угрозе. Европейский Суд полагает, что для

заявителя представлялось бы затруднительным проходить данное лечение и одновременно скрываться от органов власти в пределах территории Российской Федерации.

193. Что касается вероятности скрыться за границу, Европейский Суд напоминает о том, какие выводы им были сделаны в деле "Линд против Российской Федерации" (Lind v. Russia) (Постановление Европейского Суда от 6 декабря 2007 г., жалоба N 25664/05, § 81 <*>). В указанном деле Европейский Суд постановил, что "национальные власти не объяснили, почему изъятие заграничного паспорта гражданина Российской Федерации как меры, которая предусмотрена в законодательстве Российской Федерации, очевидно, в целях предотвращения вероятности того, что обвиняемый скроется от органов следствия и суда, не является достаточным для того, чтобы гарантировать отсутствие возможности скрыться за рубежом". Сделанный в отношении иностранного гражданина, данный вывод тем более применим с учетом обстоятельств настоящего дела, где заявитель является гражданином Российской Федерации, который обладает устойчивыми связями в стране (являясь единственным опекуном своего малолетнего сына).

<*> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 3/2008.

194. Европейский Суд также отмечает, что национальные суды не рассматривали вопрос о применении к заявителю залога ни на какой из стадий производства по делу, даже тогда, когда следователь, в производстве которого находилось уголовное дело, склонялся в пользу данной меры пресечения (см. Постановления Европейского Суда по делу "Иловицкий против Польши" (Iłowiecki v. Poland) от 4 октября 2001 г., жалоба N 27504/95, § 63, и по делу "Долгова против Российской Федерации" (Dolgova v. Russia) от 2 марта 2006 г., жалоба N 11886/05, § 38 с последующими ссылками <*>).

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 8/2006.

195. Наконец, Европейский Суд отмечает, что 6 февраля 2008 г. производство по уголовному делу в отношении заявителя было приостановлено в связи с ухудшившимся состоянием здоровья заявителя. Европейский Суд допускает, что в принципе непродолжительные перерывы по медицинским основаниям в период отправления правосудия позволительны. Тем не менее ситуация заявителя представляется исключительной. Под стражей он провел более 34 месяцев. Некоторые заболевания заявителя неизлечимы. По-видимому, перспективы какого-либо лечения, получаемого в настоящее время или в будущем, неопределенны. Таким образом, его содержание под стражей может длиться неопределенное время, а производство по делу - никогда и не возобновиться. Учитывая обстоятельства, Европейский Суд приходит к выводу, что содержание заявителя под стражей утратило какой-либо полезный смысл, а последующее сохранение данной меры пресечения несовместимо со статьей 5 Конвенции.

196. В итоге Европейский Суд приходит к выводу, что начиная с декабря 2006 г. власти Российской Федерации продлевали применение данной меры пресечения в отношении заявителя по основаниям, которые не могут рассматриваться как "уместные" и "достаточные", даже учитывая их совокупное значение.

197. Следовательно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

IV. Предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции

198. Заявитель утверждал, что постановления суда о производстве обысков в принадлежащих ему помещениях не были достаточно обоснованными. В итоге обыски в

его квартире и дачном доме были произвольными и противоречащими требованиям статьи 8 Конвенции, которая предусматривает:

"1. Каждый имеет право на уважение его личной... жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

А. Приемлемость жалобы

199. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель не исчерпал все внутригосударственные средства правовой защиты в отношении своих жалоб. Так, он не обжаловал законность этих обысков в судебном порядке. Вместе с тем власти Российской Федерации утверждали, что заявитель нарушил шестимесячный срок для обращения, предусмотренный статьей 35 Конвенции, если отталкиваться от даты проведения обысков.

200. Учитывая возражение властей Российской Федерации относительно того, что заявитель не оспаривал законность постановлений о производстве обысков, заявитель возразил, указав, что им было это сделано. Он подал жалобы на оба судебных постановления, тем не менее они были оставлены без удовлетворения 17 мая 2006 г.

201. Европейский Суд отмечает, что заявитель обжаловал постановления Симоновского районного суда г. Москвы, санкционировавшие производство обысков в помещениях, где он проживал. Его жалобы были рассмотрены и оставлены без удовлетворения судом высшей инстанции 17 мая 2006 г. Далее Европейский Суд отмечает, что впервые жалоба на незаконность производства обысков была сформулирована в жалобе, направленной по факсу 16 ноября 2006 г. Таким образом, требования пункта 1 статьи 35 Конвенции были соблюдены. Следовательно, возражение властей Российской Федерации подлежит отклонению.

202. В свете доводов сторон Европейский Суд полагает, что данная жалоба затрагивает серьезные вопросы фактического и правового характера в соответствии с Конвенцией, разрешение которых требует рассмотрения жалобы по существу. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу о том, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Иных оснований для объявления ее неприемлемой не установлено.

В. Существо жалобы

1. Доводы властей Российской Федерации

203. Власти Российской Федерации утверждали, что проникновение в жилище заявителя было оправдано целями, предусмотренными пунктом 2 статьи 8 Конвенции. В частности, заявитель подозревался в организации в 1999 году присвоения имущества и долей в уставных капиталах некоторых компаний, занимающихся добычей нефти. Заявитель являлся юристом и членом Московской коллегии адвокатов; в связи с этим к нему применимы положения главы 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Согласно нормам названной главы любые следственные действия в отношении заявителя должны проводиться с разрешения суда.

204. Здание, в котором предположительно было совершено преступление, расположено по адресу: г. Москва, Загородное шоссе, д. 5. Данный адрес подпадал под

территориальную юрисдикцию Симоновского районного суда г. Москвы. 4 апреля 2006 г. следователь, в производстве которого находилось уголовное дело, обратился в названный суд с ходатайством о разрешении производства обысков. 4 и 5 апреля 2006 г. судом было дано три разрешения. Он достаточно четко установил документы, необходимые следственным органам.

205. Первый обыск состоялся в присутствии родственников заявителя. Второй - в присутствии охранника и адвоката заявителя. Третий (10 апреля 2006 г.) - в присутствии главы сельского поселения. Все лица, присутствовавшие при проведении обыска, были уведомлены о своих правах, в частности, о праве приносить замечания, а также о цели производства обыска. Их попросили предъявить документы, перечисленные в постановлении суда о производстве обыска. Документы, изъятые при проведении обыска, были детально отражены в протоколе обыска и помещены в опечатанные ящики. Никто из присутствовавших при проведении обыска не сделал каких-либо замечаний для отражения в протоколе. В результате обысков Генеральная прокуратура Российской Федерации изъяла документы, соответствующие описанию, приведенному в постановлении Симоновского районного суда г. Москвы.

206. Далее власти Российской Федерации указали, что по так называемым беловоротничковым преступлениям невозможно конкретизировать все документы, которые следственные органы могут обнаружить при проведении обыска. В противном случае это действие называлось бы выемкой, а не обыском.

207. Власти Российской Федерации пришли к выводу о том, что обыски в помещениях, принадлежащих заявителю, не были произвольными, преследовали законную цель и проводились в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции.

2. Доводы заявителя

208. Заявитель утверждал, что постановления о производстве обысков были приняты в нарушение требований закона, были необоснованными, предоставляли следователям большой предел усмотрения и не предусматривали мер по охране особых документов, содержащих коммерческую тайну. Он предложил Европейскому Суду изучить постановления суда о производстве обысков: резолютивные части не конкретизировали каких-либо документов. Власти Российской Федерации утверждали, что имелись основания полагать, что доказательства, имеющие значение для расследования преступления, могли быть найдены в помещениях, принадлежащих заявителю. Тем не менее власти Российской Федерации, в том числе суды, не мотивировали свое утверждение.

209. Далее власти Российской Федерации отметили, что отец и брат заявителя присутствовали при проведении обысков в квартире, а охранник и адвокат заявителя - при проведении обыска в дачном доме. Адвокат заявителя при этом узнал о прибытии следователей только от охранника; к моменту прибытия его в дачный дом следователи изъяли и упаковали ряд документов и предметов. Что касается комментария властей Российской Федерации относительно прав указанных лиц приносить замечания для отражения в протоколе, следует отметить, что они не конкретизировали практическую пользу реализации данного права в ситуации, когда следователи пользуются совершенно неограниченными правами при производстве обыска и выемки.

210. Довод властей Российской Федерации относительно того, что родственникам заявителя, присутствовавшим при производстве обыска, было предложено "добровольно выдать документы, указанные в постановлениях об обыске", нелогичен, поскольку постановления не конкретизировали какие-либо документы.

211. Довод властей Российской Федерации о том, что в протоколах производства обысков были отражены индивидуальные признаки изъятых предметов и документов,

лишь частично верен. Несмотря на то, что большинство изъятых предметов были детально описаны (например, коллекция часов), индивидуальные признаки изъятых документов, в том числе, что наиболее важно, клиентские дела, не были прописаны.

3. Мнение Европейского Суда

212. Согласно прецедентной практике Европейского Суда обыск в офисе адвоката, в том числе с целью установления документов или информации на электронном носителе, приравнивается к вмешательству в его право на уважение его "личной жизни", "жилища" и "корреспонденции" (см. Постановление Европейского Суда по делу "Нимиц против Германии" (*Niemietz v. Germany*) от 16 декабря 1992 г., § 29 - 33, Series A, N 251-B, Решение Европейского Суда по делу "Тамосиус против Соединенного Королевства" (*Tamosius v. United Kingdom*), жалоба N 62002/00, ECHR 2002-VIII, Постановления Европейского Суда по делу "Саллинен и другие против Финляндии" (*Sallinen and Others v. Finland*) от 27 сентября 2005 г., жалоба N 50882/99, § 70 - 72, и по делу "Визер и Бикос Бетайлигунген Гмбх против Австрии" (*Wieser and Bicos Beteiligungen GmbH v. Austria*), жалоба N 74336/01, § 43 - 45, ECHR 2007-...).

213. Такое вмешательство влечет нарушение статьи 8 Конвенции, только если не будет доказано, что оно "соответствовало закону", преследовало одну или несколько законных целей, определенных в пункте 2, а также было "необходимо в демократическом обществе" для достижения этих целей. Европейский Суд готов признать, что в настоящем деле обыски были законны в рамках национального законодательства и преследовали законную цель. Осталось установить, были ли они "необходимы в демократическом обществе".

214. Европейский Суд неоднократно отмечал, что преследование представителей юридической профессии наносит удар в самое сердце конвенционной системы. По этой причине обыск, проводимый в помещениях, принадлежащих юристам, должен подвергаться особенно строгому исследованию (см. Постановление Европейского Суда по делу "Елчи и другие против Турции" (*Elci and Others v. Turkey*) от 13 ноября 2003 г., жалобы N 23145/93 и 25091/94, § 669). С целью решения вопроса о том, являлись ли данные меры "необходимыми в демократическом обществе", Европейский Суд должен исследовать доступность эффективных гарантий против необоснованных действий, предусмотренных национальным законодательством, а также проверить, как данные гарантии действовали в конкретном рассматриваемом деле. Критериями, которые необходимо учитывать в связи с этим, являются тяжесть преступления, в связи с которым проводятся обыск и выемка, были ли они проведены в соответствии с актом судьи или служащего суда либо выносились на решение судьи по факту проведения, был ли данный акт основан на разумном подозрении, а сфера его применения в разумной степени ограничена. Европейский Суд должен также исследовать способ проведения обыска, а также в том случае, если это касается служебного помещения юриста, вопрос о том, был ли данный обыск проведен в присутствии независимого наблюдателя с целью обеспечения того, что материалы, содержащие служебную тайну, не изъяты. Наконец, Европейский Суд должен учитывать то, в какой степени обыск отразился на профессиональной деятельности, а также репутации лиц, в отношении которых он проводился (см. Постановления Европейского Суда по делу "Камензинд против Швейцарии" (*Camenzind v. Switzerland*) от 16 декабря 1997 г., § 45, Reports 1997-VIII, по делу "Бак против Германии" (*Buck v. Germany*), жалоба N 41604/98, § 45, ECHR 2005-IV, по делу "Смирнов против Российской Федерации" (*Smirnov v. Russia*), жалоба N 71362/01, § 44, ECHR 2007-... по упоминавшемуся выше делу "Визер и Бикос Бетайлигунген Гмбх против Австрии", § 57, и по делу "Ван Россем против Бельгии" (*Van Rossem v. Belgium*) от 9 декабря 2000 г., жалоба N 41872/98, § 45 с последующими ссылками).

215. Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Европейский Суд отмечает, что постановления о производстве обысков от 4 и 5 апреля 2006 г. были приняты Басманным районным судом г. Москвы <*> по ходатайству стороны обвинения. Европейский Суд допускает, что судья национального суда, рассматривая данное ходатайство, убедился в достаточных основаниях существования подозрения о том, что мошенничество было совершено и что доказательства могли бы быть получены в соответствующем помещении (см. Решение Европейского Суда по делу "Тамосиус против Соединенного Королевства" (Tamosius v. United Kingdom), жалоба N 62002/00, ECHR 2002-VIII).

<*> По-видимому, допущена ошибка. Из обстоятельств дела следует, что постановления о производстве обысков были приняты Симоновским районным судом г. Москвы (прим. переводчика).

216. Тем не менее, по мнению Европейского Суда, в постановлениях о производстве обысков были использованы достаточно пространные формулировки. Они позволяли следственным органам осуществлять поиск "документов и предметов, представляющих интерес для следствия по делу". Данная формулировка предоставляла следственным органам неограниченное усмотрение в том, какие же документы "представляли интерес" для расследования уголовного дела. Европейский Суд напоминает, что в упоминавшемся выше деле "Смирнов против Российской Федерации" пространность формулировок в постановлении о производстве обыска явилась ключевым фактором, в связи с которым Европейский Суд пришел к выводу о том, что обыск в квартире юриста не соответствовал положениям статьи 8 Конвенции. Европейский Суд пришел к тому же выводу в деле "Илия Стефанов против Болгарии" ((Iliya Stefanov v. Bulgaria) от 22 мая 2008 г., жалоба N 65755/01, § 34 с последующими ссылками), где национальными властями был проведен обыск в офисе юриста, подозреваемого в похищении человека и вымогательстве. Применительно к названному делу Европейский Суд постановил, что "ни ходатайство о выдаче ордера на обыск, ни сам ордер не конкретизировали предметы и документы, которые необходимо было установить в офисе заявителя, а также то, какое отношение они имели к расследованию уголовного дела. Более того, принимая решение о выдаче ордера на обыск судьей, не был затронут вопрос о том, подлежали ли изъятию документы, содержавшие служебную тайну". Те же обстоятельства установлены и в настоящем деле. Постановления о производстве обысков, выданные Симоновским районным судом г. Москвы 4 и 5 апреля 2006 г., развязывали следственным органам руки при решении вопроса относительно документов, подлежащих изъятию, в них не было никакой оговорки относительно документов, содержавших профессиональную тайну, несмотря на то, что власти Российской Федерации знали о том, что заявитель являлся членом коллегии адвокатов и мог хранить документы, вверенные ему клиентами.

217. Европейский Суд учитывает тот факт, что "детальная мотивация (ордера на обыск) едва ли достигается в экстренных ситуациях" (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Илия Стефанов против Болгарии", § 41). Тем не менее Европейский Суд отмечает, что на дату проведения обысков официальное расследование по делам в отношении менеджеров "ЮКОСа" длилось почти три года. С самого начала расследования по уголовному делу власти Российской Федерации должны были знать, что заявитель возглавлял правовую службу "ЮКОСа" в период 1998 - 1999 годов, когда преступления были предположительно совершены, и мог обладать определенными документами, информацией в электронном виде, а также иными материалами, имевшими отношение к устанавливаемым обстоятельствам. Следовательно, отсутствие надлежащей мотивации и пространность формулировок постановлений о производстве обысков не могут объясняться экстренностью ситуации.

218. Европейский Суд приходит к выводу, что существенные недостатки постановлений о производстве обысков от 4 и 5 апреля 2006 г. сами по себе достаточны

для того, чтобы сделать вывод: обыски в помещениях, принадлежавших заявителю, были проведены в нарушение положений статьи 8 Конвенции.

V. Иные жалобы

219. Европейский Суд обращает внимание на остальные жалобы, касающиеся содержания заявителя под стражей, обыски в жилых помещениях, принадлежащих ему, в частности на то, что в нарушение статьи 8 Конвенции, положения которой приведены выше, содержание его под стражей оказало негативное воздействие на его семейную жизнь, на жалобу со ссылкой на статью 13 Конвенции о том, что в его распоряжении отсутствовало эффективное средство правовой защиты для целей освобождения из-под стражи, а также на жалобу о том, что в нарушение статьи 18 Конвенции уголовное преследование в отношении него преследовало цели иные, нежели предусмотренные статьей 5 Конвенции, положения которой приведены выше. Статья 13 Конвенции предусматривает следующее:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

Согласно статье 18 Конвенции:

"Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены".

220. Европейский Суд полагает, что указанные жалобы связаны с иными жалобами заявителя, таким образом, они должны быть объявлены приемлемыми. Тем не менее, учитывая свои выводы в отношении нарушения статьей 3, 5 и 8 Конвенции, Европейский Суд полагает, что необходимость рассматривать их отдельно отсутствует.

VI. Статья 34 Конвенции - предполагаемое неисполнение требования о применении предварительных мер

221. В своей переписке с Европейским Судом относительно исполнения предварительных мер, указанных Европейским Судом, заявитель отметил, что данные меры не были надлежащим образом исполнены. Он также утверждал о том, что на него оказывалось давление в связи с его обращением в Европейский Суд.

222. 24 января 2008 г. Европейский Суд предложил властям Российской Федерации представить заключение об исполнении своих обязательств в соответствии со статьей 34 Конвенции в связи с исполнением предварительных мер, указанных Европейским Судом 27 ноября и 21 декабря 2007 г. в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда. Властям Российской Федерации также было предложено представить комментарии относительно утверждений заявителя об оказании на него давления.

Согласно статье 34 Конвенции:

"Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права".

В соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда:

"1. По просьбе стороны в деле или любого другого заинтересованного лица, или по своей инициативе Палата или, в соответствующих случаях, ее Председатель может

указать сторонам на предварительные меры, которые, по мнению Палаты, следует принять в интересах сторон или надлежащего осуществления проводимого расследования.

2. Уведомление о таких мерах направляется Комитету министров.

3. Палата может запросить у сторон информацию по любому вопросу, связанному с выполнением любой указанной предварительной меры".

А. Доводы властей Российской Федерации

223. В связи с утверждением о неисполнении предварительных мер, указанных Европейским Судом, власти Российской Федерации сослались на свои письма от 7 и 11 февраля 2008 г. Они утверждали, что властями Российской Федерации были приняты все необходимые действия для обследования заявителя на предмет состояния его здоровья, установления диагноза и обеспечения его необходимой медицинской помощью. Более того, данные меры были приняты даже до коммуникации властям Российской Федерации жалобы заявителя. Качество медицинской помощи, оказываемой медицинской частью следственного изолятора, не только соответствовало, но и превосходило качество медицинской помощи, предоставляемой в общегражданских лечебных учреждениях. Следовательно, перевод заявителя в общегражданскую больницу не являлся необходимым с медицинской точки зрения. Тем не менее 8 февраля 2008 г. в соответствии с рекомендациями врачебной комиссии, обследовавшей заявителя 4 февраля 2008 г., он был переведен в Городскую больницу N 60. Задержка в исполнении данной предварительной меры имела место по вине самого заявителя, поскольку он отказался от сдачи специальных анализов и прохождения лечения.

224. Власти Российской Федерации не знали об обращении заявителя в Европейский Суд вплоть до 28 января 2008 г., то есть до момента коммуникации его жалобы. Следовательно, они не имели возможности воспрепятствовать ему обратиться в Европейский Суд или иным образом вмешаться в реализацию им своего права, предусмотренного статьей 34 Конвенции. Государство-ответчик пришло к выводу о том, что властями Российской Федерации были исполнены их обязательства в соответствии со статьей 34 Конвенции.

225. В ответ на утверждение представителя заявителя о том, что лечение заявителю предлагалось в обмен на ложные показания с его стороны, власти Российской Федерации отметили, что Федеральной службой исполнения наказаний рассматривался вопрос об обращении в суд с иском о диффамации к данному представителю. По мнению властей Российской Федерации, это была нормальная правовая реакция на не соответствующие действительности утверждения заявителя о ненадлежащих уговорах.

В. Доводы заявителя

226. Заявитель утверждал, что предварительная мера, указанная 27 ноября 2007 г. подлежала незамедлительному исполнению. Исполнена она не была, а власти Российской Федерации утверждали о том, что им необходимо дополнительное время. Европейский Суд продлил срок исполнения меры до 10 декабря 2007 г., и тем не менее на указанную дату также ничего не было сделано. Заявитель не был переведен в больницу, а ВААРТ-терапия не проводилась в отношении него еще два месяца. Ссылаясь на дело "Палади против Республики Молдова" ((Paladi v. Moldova) от 10 июля 2007 г., жалоба N 39806/05, § 98 - 100), заявитель утверждал, что власти Российской Федерации так и не представили надлежащее объяснение отсутствию с их стороны незамедлительных действий, то есть той ситуации, которую Европейский Суд уже признавал противоречащей требованиям статьи 34 Конвенции. Более того, власти Российской Федерации отказались от создания медицинской комиссии из представителей обеих сторон в нарушение требования Европейского Суда от 20 декабря 2007 г. в соответствии с правилом 39 Регламента

Европейского Суда, ссылаясь на то, что создание такой комиссии не предусмотрено законодательством Российской Федерации. Заявитель отметил, что его перевод в Городскую клиническую больницу N 60 никак не может рассматриваться ни как исполнение властями Российской Федерации предварительной меры, указанной Европейским Судом, ни как обеспечение соблюдения его основных прав человека.

227. Что касается "ненадлежащих уговоров", заявитель настаивал на том, что 12 и 13 декабря 2007 г. сотрудники следственного изолятора, пребывая в полном ведении о предварительной мере, указанной Европейским Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда, дважды давали заявителю ложную надежду на то, что он будет переведен в Московский городской центр профилактики и борьбы со СПИДом на следующий день, и даже показывали ему письмо, содержащее разрешение на его перевод, подписанное начальником управления Федеральной службы исполнения наказаний по г. Москве, после чего просили подписать заявление о том, что у него нет никаких жалоб в отношении администрации следственного изолятора. Когда заявитель честно ответил, что не может подписать такое заявление, его перевод не состоялся. Кроме того, на заседании в Верховном Суде Российской Федерации 22 января 2008 г., которое широко освещалось российскими СМИ, заявитель рассказал о том, что следственные органы неоднократно предлагали ему освобождение по состоянию здоровья в обмен на ложные показания, которые бы подтверждали, что его адвокат являлся свидетелем данных событий. Непосредственно сразу Федеральная служба исполнения наказаний начала запугивать представителя заявителя обращением в суд с иском о диффамации, что власти Российской Федерации, более того, подтвердили в своих замечаниях.

С. Мнение Европейского Суда

228. Европейский Суд напоминает дело "Маматкулов и Аскарлов против Турции" ((*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*), Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалобы N 46827/99 и 46951/99, § 92 et seq., ECHR 2005-...), в котором Европейским Судом был проанализирован отказ властей исполнить предварительную меру, указанную в соответствии с правилом 39, а именно о временном запрете о выдаче заявителей в Узбекистан. Европейский Суд пришел к выводу, что "обязательство, закрепленное в статье 34 Конвенции, in fine, предусматривает, что Договаривающиеся Государства должны воздерживаться... также от совершения любого действия или бездействия, которые, разрушая или устраняя предмет обращения в Европейский Суд, лишают смысла такое обращение или иным образом препятствуют Суду рассмотреть ее в рамках нормальной процедуры" (§ 102). Данный вывод был уточнен в Постановлении Европейского Суда по делу "Шамаев и другие заявители против Грузии и России" (*Shamayev and Others v. Georgia and Russia*) (жалобы N 36378/02, § 473 и 478, ECHR 2005-III), где Европейский Суд постановил: "Тот факт, что Европейский Суд имел возможность закончить рассмотрение жалобы против властей Грузии по существу, не означает, что препятствие осуществлению данного права не составляет нарушение статьи 34 Конвенции". Наконец, Европейский Суд напоминает свои выводы по делу "Олэхеа Кахуас против Испании" ((*Olaechea Cahuas v. Spain*), Постановление Европейского Суда по жалобе N 24668/03, § 1, ECHR 2006-... (извлечения)), в котором он постановил, в частности, что "неисполнение предварительной меры, указанной Европейским Судом, в силу существования риска само по себе является серьезным препятствием в конкретный период времени эффективного осуществления права на индивидуальное обращение".

229. Далее Европейский Суд отмечает, что вмешательство в право на индивидуальное обращение может приобретать различные формы. Так, в деле "Бойченко против Молдовы" (*Boicenco v. Moldova*), Постановление Европейского Суда от 11 июля 2006 г., жалоба N 41088/05, § 157 et seq.) Европейский Суд установил, что отказ властей в допуске врача для обследования заявителя с целью подтверждения его требований в

соответствии со статьей 41 Конвенции представляет собой вмешательство в право заявителя на индивидуальное обращение и, следовательно, был несовместим с требованиями статьи 34 Конвенции. В деле "Штукатуров против Российской Федерации" (Shtukaturov v. Russia), (Постановление Европейского Суда от 27 марта 2008 г., жалоба N 44009/05, § 141 et seq. <*>) отказ национальных властей заявителю во встрече со своим адвокатом с целью подготовки жалобы в Европейский Суд был расценен как нарушение статьи 34 Конвенции.

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 2/2009.

230. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что им было указано властям Российской Федерации на необходимость применения двух предварительных мер. Первая была указана 27 ноября 2007 г., а затем подтверждена в декабре 2007 г. и январе 2008 г. Ввиду критического состояния здоровья заявителя Европейский Суд предложил властям Российской Федерации перевести его в специализированное лечебное учреждение. Тем не менее только 8 февраля заявитель был перевезен в Городскую больницу N 60. Европейский Суд оставляет открытым вопрос относительно того, может ли Городская больница N 60 считаться "специализированным учреждением" ввиду последних изменений в состоянии здоровья заявителя. Ясно лишь то, что более двух месяцев власти Российской Федерации отказывались исполнить предварительную меру, подвергая таким образом здоровье и даже жизнь заявителя опасности. Власти Российской Федерации не утверждали, что мера, указанная в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда, была неисполнима; напротив, последующий перевод заявителя в Городскую больницу N 60 свидетельствует об относительной простоте исполнения данной меры. Учитывая данные обстоятельства, Европейский Суд полагает, что неисполнение предварительной меры имело место только ввиду нежелания властей сотрудничать с Европейским Судом.

231. Во-вторых, Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не исполнили вторую предварительную меру, указанную Европейским Судом 21 декабря 2007 г. Так, они не позволили обследовать заявителя медицинской комиссией в смешанном составе, включающей врачей по усмотрению заявителя. Указывая на необходимость исполнения данной меры, Европейский Суд требовал предоставить ему более подробную информацию относительно состояния здоровья заявителя и медицинской части следственного изолятора, которая бы позволила подтвердить или опровергнуть противоречивые позиции сторон. Несмотря на попытки заявителя сформировать такую группу, власти Российской Федерации отказались от сотрудничества с ним по данному вопросу. Европейский Суд напоминает, что, анализируя обстоятельства в соответствии со статьей 3 Конвенции, он установил, что мотивация властями Российской Федерации своего отказа провести соответствующее обследование заявителя была неудовлетворительна (см. выше § 155 настоящего Постановления). Принимая во внимание то, что заявитель был серьезно болен, содержался под стражей и, следовательно, не имел возможности самостоятельно собрать всю необходимую информацию, Европейский Суд полагает, что такая позиция властей при данных обстоятельствах приравнивается к попытке воспрепятствовать реализации заявителем права на обращение в соответствии со статьей 34 Конвенции. Тот факт, что Европейский Суд принял решение о рассмотрении дела на основании материалов дела, имеющихся в его распоряжении, не влияет при данных обстоятельствах на указанный вывод (см. прецедентную практику по данному вопросу, в частности, дело "Олэхеа Кахуас против Испании", или для контраста Постановление Европейского Суда по делу "Екалан против Турции" (Ocalan v. Turkey) от 12 марта 2003 г., жалоба N 46221/99, § 201).

232. В результате Европейский Суд полагает, что, не исполнив предварительные меры, указанные Европейским Судом в соответствии с правилом 39 Регламента, власти

Российской Федерации не исполнили свои обязательства в соответствии со статьей 34 Конвенции.

VII. Статья 34 Конвенции - предполагаемое незаконное давление

233. Ссылаясь на статью 34 Конвенции, заявитель также жаловался на то, что на него и его адвоката оказывается давление в связи со страсбургской процедурой. Тем не менее, изучив находящиеся в его распоряжении материалы дела, Европейский Суд приходит к выводу, что указанное утверждение заявителя не подтверждено достаточными доказательствами. Таким образом, он решил, что утверждения о воспрепятствовании реализации прав, гарантированных статьей 34 Конвенции, не подтверждены.

VIII. Применение статей 41 и 46 Конвенции

234. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

235. Согласно статье 46 Конвенции:

"1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением".

236. На основании статьи 41 Конвенции заявитель утверждал, что ему был причинен значительный и непоправимый моральный вред, который не может быть компенсирован только фактом признания нарушения его прав, гарантированных Конвенцией. Тем не менее он не требовал компенсацию в денежном выражении за обжалованные им нарушения. По его словам, "по своей сути нарушения, имевшие место в данном деле, не оставляют реального выбора способа его устранения, поскольку любое дальнейшее незаконное и необоснованное содержание заявителя под стражей обязательно будет влечь за собой последующее нарушение статей 3 и 5 Конвенции, а также невыполнение властями Российской Федерации своего обязательства в соответствии с пунктом 1 статьи 46 Конвенции исполнить постановление Европейского Суда (см. Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу "Ассанидзе против Грузии" (*Assanidze v. Georgia*), жалоба N 71503/01, § 202, ECHR 2004-II, и по делу "Илашку и другие против Республики Молдова и Российской Федерации" (*Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia*), жалоба N 48787/99, § 490, ECHR 2004-VII)". Соответственно заявитель просил Европейский Суд обязать власти Российской Федерации прекратить его необоснованное содержание под стражей и гарантировать незамедлительное освобождение из-под стражи. Заявитель не требовал возмещения расходов и издержек.

237. Власти Российской Федерации не прокомментировали требования заявителя на основании статьи 41 Конвенции.

238. Европейский Суд отмечает, что заявитель не требовал какую-либо денежную компенсацию в соответствии со статьей 41 Конвенции. Что касается специальных мер, о применении которых он ходатайствовал, Европейский Суд напоминает, что по сути его постановления носят декларативный характер, и в принципе в первую очередь именно государство-ответчик выбирает (при осуществлении надзора со стороны Комитета министров) средства в рамках национальной правовой системы, подлежащие применению с целью реализации своего обязательства в соответствии со статьей 46 Конвенции (см. среди прочих Постановления Большой Палаты Европейского Суда по упоминавшемуся

выше делу "Ассанидзе против Грузии", по делу "Скоzzари и Гинта против Италии" (Scozzari and Giunta v. Italy), жалобы N 39221/98 и 41963/98, § 249, ECHR 2000-VIII, и по делу "Брумареску против Румынии (справедливая компенсация)" (Brumarescu v. Romania (just satisfaction), жалоба N 28342/95, § 20, ECHR 2001-I).

239. Тем не менее в качестве исключения и с целью оказания содействия властям государства-ответчика в реализации своего обязательства в соответствии со статьей 46 Конвенции Европейский Суд прибегает к указанию вида мер, которые могли бы быть приняты с целью прекращения длящихся обстоятельств, которые им были установлены (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Брониовский против Польши" (Broniowski v. Poland), жалоба N 31443/96, § 194, ECHR 2004-V). В иных исключительных случаях установленное им нарушение по своей сути может быть таким, что реального выбора в способах его устранения не остается, и Европейский Суд может принять решение о применении одной из подобных мер (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Ассанидзе против Грузии", а также Постановление Европейского Суда по делу "Аббасов против Азербайджана" (Abbasov v. Azerbaijan) от 17 января 2008 г. N 24271/05, § 35 с последующими ссылками).

240. Европейский Суд полагает, что данное дело относится ко второй группе. В рассматриваемом Европейским Судом деле были установлены нарушения ряда статей Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей. В частности, Европейский Суд установил, что многие имеющиеся у заявителя заболевания не могут быть вылечены в условиях следственного изолятора, а также что в настоящее время содержание заявителя под стражей не достигает какой-либо цели, предусмотренной статьей 5 Конвенции. Производство по уголовному делу в отношении заявителя было приостановлено и, по-видимому, в ближайшей перспективе возобновлено не будет. В данных обстоятельствах, а особенно учитывая тяжесть заболеваний заявителя, Европейский Суд полагает, что продолжающееся содержание заявителя под стражей недопустимо. Европейский Суд приходит к выводу, что в целях реализации своего обязательства в соответствии со статьей 46 Конвенции властям Российской Федерации необходимо заменить меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении заявителя на другую, разумную и менее строгую, или совокупностью таких мер, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) отклоняет возражение властей Российской Федерации относительно злоупотребления заявителем правом на обращение;
- 2) объявляет жалобу приемлемой;
- 3) постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с отсутствием надлежащей медицинской помощи в условиях следственного изолятора;
- 4) постановил, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что национальные суды не основывались на уместных и достаточных доводах для обоснования заключения заявителя;
- 5) постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в связи с обысками в жилище заявителя;
- 6) постановил, что нет необходимости рассматривать остальную часть жалобы заявителя;
- 7) постановил, что власти Российской Федерации нарушили свое обязательство в соответствии со статьей 34 Конвенции, не исполнив надлежащим образом предварительные меры, указанные Европейским Судом, в ноябре и декабре 2007 г.;
- 8) постановил, что иные утверждения заявителя в соответствии со статьей 34 Конвенции не были обоснованы;

9) постановил, что содержание заявителя под стражей в ходе предварительного следствия должно быть прекращено.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменной форме 22 декабря 2008 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Председатель
Палаты Суда
Х.РОЗАКИС

Заместитель Секретаря
Секции Суда
А.ВАМПАШ
